

ДАО

повседневной
ЖИЗНИ

ДАОССКИЕ ПРИТЧИ
*для современного
человека*

ДЕРЕК ЛИН

СОФРИЯ

ДАОССКИЕ ПРИТЧИ

Недеянием небо достигает чистоты, недеянием земля достигает покоя. При слиянии недеяния их обоих развивается [вся] тьма вещей. Неразлично, неуловимо [они] исходят из ничего; неразличимы, неуловимы, не обладают образом. [Вся] тьма вещей зарождается в недеянии. Поэтому и говорится: "Небо и земля бездействуют и все совершают". А кто из людей способен достичь недеяния?

* * *

Цзи Синцзы тренировал бойцового петуха для чжоуского царя Сюаньвана. Через десять дней [царь] спросил:

— Готов ли петух к бою?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Еще бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

* * *

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. [Он] наслаждался от души и не признавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что [он] — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, [что он] — бабочка, или бабочке снится, [что она] — Чжоу. Это и называют превращением вещей, тогда как между мною, [Чжоу], и бабочкой непременно существует различие.

* * *

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться.пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню саженей?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню саженей, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Ле, Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь холодным потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко [всем] восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

* * *

Творящий Благо спросил Чжуанцзы:

— Бывают ли люди без страстей?

— Бывают, — ответил Чжуанцзы.

— Как можно назвать человеком человека без страстей?

— Почему же не называть его человеком, [если] путь дал такой облик, а природа сформировала такое тело?

— Если называется человеком, как может он быть без страстей?

— Это не то, что я называю страстями. Я называю бесстрастным такого человека, который не губит свое тело внутри любовью и ненавистью; такого, который всегда следует естественному и не добавляет к жизни [искусственного].

— [Если] не добавлять к жизни [искусственного], — возразил Творящий Благо, — как [поддерживать] существование тела?

— Путь дал [человеку] такой облик, природа сформировала такое тело, — повторил Чжуанцзы. — А ты относишься к своему разуму как к внешнему, напрасно расходуешь свой эфир: поешь, прислонясь к дереву: спишь, опираясь о столик. Природа избрала [для] тебя тело, а ты споришь о том, что такое твердое и белое.

* * *

Дядя Дракона сказал Вэнь Чжи:

— Тебе доступно тонкое искусство. Я болен. Можешь ли меня вылечить?

— Повинуюсь приказу, — ответил Вэнь Чжи. — Но сначала расскажи о признаках твоей болезни.

— Хвалу в своей общине не считаю славой, хулу в царстве не считаю позором; приобретаю, не радуюсь, теряю, не печалюсь. Смотрю на жизнь, как и на смерть; смотрю на богатство, как и на бедность; смотрю на человека, как и на свинью; смотрю на себя, как и на другого; живу в своем доме, будто на постоялом дворе; наблюдаю за своей общиной, будто за царствами Жун и Мань. [Меня] не прельстить чином и наградой, не испугать наказанием и выкупом, не изменить ни процветанием, ни упадком, ни выгодой, ни убытком, не поколебать ни печалью, ни радостью. Из-за этой тьмы болезней не могу служить государю, общаться с родными, с друзьями, распоряжаться женой и сыновьями, повелевать слугами и рабами. Что это за болезнь? Какое средство может от нее излечить?

Вэнь Чжи велел больному встать спиной к свету и стал его рассматривать.

— Ах! — воскликнул он. — Я вижу твое сердце. [Его] место, целый цунь, пусто, почти [как у] мудреца! В твоем сердце открыты шесть отверстий, седьмое же закупорено. Возможно, поэтому [ты] и считаешь мудрость болезнью? Но этого моим ничтожным искусством не излечить!

* * *

Учитель Лецзы стал учиться.

Прошло три года, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился [я] взгляда Старого Шана. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами поновому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда [я] удостоился улыбки Старого Шана. Прошло семь лет, и, давая волю своему сердцу, [уже] не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Перестал [отличать] внутреннее от внешнего. И тогда все [чувства] как бы слились в одно: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние-вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось. кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, о чем думает сердце, что таится в речах. Только и всего. Тогда-то в законах природы [для меня] не осталось ничего скрытого.

* * *

Свет спросил у Небытия:

— [Вы], учитель, существуете или не существуете? — Но не получил ответа. Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него — не увидишь, слушай его — не услышишь, трогай его — не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы [еще] достичь такого совершенства! Я способен быть [или] не быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие, как [оно] этого достигло?

* * *

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, [ибо] живет вместе с говорящими.

* * *

Творящий Благо сказал Чжуанцзы:

— Ты говоришь о бесполезном.

— С тем, кто познал бесполезное, можно говорить и о полезном, — ответил Чжуанцзы. — Ведь земля и велика, и широка, а человек ею пользуется [лишь] в размере своей стопы. А полезна ли еще человеку земля, когда рядом с его стопою роют [ему] могилу вплоть до Желтых источников?

— Бесполезна, — ответил Творящий Благо.

— В таком случае, — сказал Чжуанцзы, — становится ясной и польза бесполезного.

* * *

Циньцзы спросил Ян Чжу:

— Выдернул бы ты у себя один волосок, если бы это могло помочь миру?

— Миру, конечно, не помочь одним волоском.

— А если бы можно было? Выдернул бы?

Ян Чжу промолчал.

Циньцзы вышел и передал обо всем Мэнсунь Яну.

Мэнсунь Ян сказал:

— Ты не проникся мыслью учителя. Разреши тебе [это] объяснить. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить тьму золота?

— Согласился бы.

— Согласился бы ты лишиться сустава, чтобы обрести царство?

Циньцзы промолчал.

— Рассудим. Ведь волосок меньше кожи; кожа меньше сустава. Однако ведь, по волоску собираясь, и образуется кожа, и кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже волоском, если он — одна из тьмы частей тела?

— Мне нечего тебе ответить, — сказал Циньцзы. — Но если спросить о твоей речи Лаоцзы и Стража Границы, [они] признали бы справедливыми твои слова; если спросить о моей речи великого Молодого

Дракона и Мо Ди, они признали бы справедливыми мои слова.

Мэнсунь Ян, обратившись к своим ученикам, заговорил о другом.

* * *

Янь Юань сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о милосердии и справедливости.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На другой день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о церемониях и о музыке.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На следующий день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я] Хой, сию и забываю [о себе самом].

— Что это значит, "сию и забываю [о себе самом]"? — изменившись в лице, спросил Конфуций.

— Тело уходит, органы чувств отступают. Покинув тело и знания, [я] уподобляюсь всеохватывающему. Вот что означает "сию и забываю [о себе самом]".

— Уподобился [всеохватывающему] — значит, освободился от страстей; изменился — значит, освободился от постоянного. Ты, воистину, стал мудрым! Дозволь [мне], Цю, следовать за тобой.

* * *

В Чжэн был Колдун по имени Цзи Сянь. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого беда, кого долголетие, кого ранняя смерть, и назначал [каждому] срок — год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Лецзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-[горы]:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я открывал тебе внешнее, еще не дошел до сущности,— ответил учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда же возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Лецзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой,

Лецзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему [слова Колдуна].

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, — сказал учитель, — без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

Назавтра Лецзы снова явился с Колдуном. [Когда они] вышли. [Колдун] сказал Лецзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше, полностью появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все].

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] "имя" [или] "сущность".

Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его], и [я] снова его навещу.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять названий глубин. [Я же] появился в трех: [в виде] глубины водоворота, стоячей воды, проточной воды. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел Колдун занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Лецзы побежал, не смог его догнать, вернулся и сказал:

— Не догнал! [Он куда-то] исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет, — сказал учитель. — Я предстал перед ним пустым, покорным, свернувшимся в клубок. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал [от меня].

Тут Лецзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил будто людей, в резьбе и полировке вернулся к безыскусственности. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

* * *

Вэй Черное Яйцо из-за тайной ненависти убил Цю Ясного, и сын Ясного, Верный, задумал [ему] отомстить. Духом Верный был очень силен, но телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил [лишь] при попутном ветре. Даже в гневе не мог поднять оружие, чтобы отомстить. [Но], стыдясь прибегнуть к чужой помощи, [он] поклялся расправиться с Черным Яйцом своей рукой.

Черное же Яйцо превосходил всех дерзостью и отвагой, силой противостоял сотне мужей, [крепостью] суставов и костей, мускулов и кожи даже не походил на человека: вытянутой шеей отражал [удар] меча, обнаженной грудью — стрелу. Лезвие и острие гнулись и ломались, а на теле [у него] не оставалось ни царапины, ни шрама. Зная свою силу, [он] смотрел на Верного, как на цыпленка.

— Что ты думаешь делать? — спросил у Верного его друг, Советчик Шэнь. — Ты так оскорблен, а он так пренебрегает тобой.

— Хочу, чтобы ты мне посоветовал, — проливая слезы, ответил Верный.

— Слышал я, что предок Великого Совершенного из царства Вэй добыл драгоценный меч иньского царя. С таким мечом один отрок способен отразить три армии. Не попросить ли у него [этот меч]? — сказал Советчик.

Верный отправился в Вэй и увиделся с Великим Совершенным. Поклонился ему, точно раб-возница, попросил принять в дар жену и детей, а затем обратился со своей просьбой.

— У меня три меча, выбирай любой, — ответил ему Великий Совершенный. — Но ни одним нельзя убить человека. Сначала расскажу тебе о них. Первый называется Таящий свет. Смотришь на него — и [его] не видишь, взмахнешь им — и не знаешь, коснулся он чего-либо или нет; прозрачен и не имеет граней, рассекает [тело], а тело ничего не ощущает. Второй называется Принявший тень. Если всматриваться в него с северной стороны при смене предрассветного мрака утренней зарей или в сумерках — на грани дня и ночи, то что-то увидишь, но формы не разберешь. [Когда] он кого-то коснется, издает будто украдкой тихий звон, но тело не ощущает боли. Третий называется Закаленный ночью. При свете дня видна его тень, блеска невидно; ночью он блестит, но не видна форма. Коснувшись тела, рассекает его с треском, но рана сразу же заживает, остается лишь боль, к лезвию кровь не пристает. Эти три

сокровища передавались [в нашем роду] уже тринадцать поколений, но в деле не бывали. Спрятаны в ларце, и даже печати [с них] не снимали.

— И все-таки я должен попросить [у вас] последний. — сказал Верный.

Тут Великий Совершенный вернул ему жену и детей, постился с ним вместе семь дней и на грани вечерней зари и ночной темноты, опустившись на колени, вручил ему меч Закаленный ночью. Верный принял его, дважды поклонился и возвратился домой.

И тогда Верный отправился с мечом к Черному Яйцу. Тот, как раз опьянев, лежал навзничь под окном. [Верный] трижды разрубил его от шеи до поясицы, но Черное Яйцо не проснулся. Думая, что он мертв. Верный поспешил уйти, но у ворот встретил сына Черного Яйца и трижды его рубанул, рассекая, будто воздух. Сын Черного Яйца расхохотался и спросил:

— Что ты так глупо трижды меня поманил?

Тут Верный понял, что [таким] мечом не убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Проснувшись, Черное Яйцо рассердился на свою жену:

— Оставила меня, пьяного, непокрытым. Вот у меня и заболело горло, заломило поясицу!

Сын же его сказал:

— Недавно приходил Верный, встретился со мной в воротах, трижды меня поманил, и у меня также заболело все тело а конечности онемели. Он нас сокрушил!

* * *

Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству:

— Нет ли в твоём роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

— У сыновей [моих, вашего] слуги, способности небольшие. [Они] сумеют найти хорошего коня, [но] не смогут найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по [его] стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня [все это] то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто [знает] коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, [я], ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это — Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во деленной и отправил на поиски коней.

Через три месяца [тот] вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных холмах.

— Какой конь? — спросил Мугун.

— Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец.

Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

— [Вот] неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

— Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! — глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. — То, что видит Высящийся, — мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, что ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!

* * *

Наша жизнь ограничена, а знания неограничены. Ограниченному следовать за неограниченным опасно. [Поняв это], совершенствовать знания опасно. Совершая добро, избегай славы, совершая зло, избегай наказания. Если взять за основу главное, можно сохранить [свое] тело, сберечь целостность жизни, можно поддержать родителей, можно дожить до предельного возраста.

* * *

Повар царя Прекрасномилостивого принялся разделывать [тушу] быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождалось треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. [Работа шла] в четком ритме, точно танец "В туговой роще" или "Цзин шоу".

— Ах, как прекрасно! Как совершенно [твое] мастерство! — воскликнул Прекрасномилостивый.

Опустив нож, повар сказал:

— [Я, ваш] слуга, привержен пути более, чем [своему] мастерству! Когда [я, ваш] слуга, стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю [на него], а понимаю [его] разумом, не воспринимаю [его] органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, [а поэтому] меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, [а потому] меняет нож раз в месяц. Ножу [вашего] слуги ныне девятнадцать лет, [я] разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Между сочленениями есть щели, а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подходя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постою, оглянусь по сторонам, пройду в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостивый. — Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия.

* * *

Гань Ин в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет лук — и звери ложатся, а птицы падают. У Гань Ина обучался Стремительный Вэй и превзошел в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю и пришел учиться Цзи Чан.

— Сначала научись не моргать, — сказал ему Стремительный Вэй, — а затем поговорим и о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Через два года он не моргал, даже если [его] кололи в уголок глаза кончиком шила.

[Цзи Чан] доложил об этом Стремительному Вэю, тот сказал:

— [Этого] еще недостаточно. Теперь еще научись смотреть, а потом можно [и стрелять]. Научись видеть малое, точно большое, туманное, точно ясное, а затем доложишь.

Чан подвесил к окну вошь на конском волосе и стал на нее глядеть, обернувшись лицом к югу. Через десять дней [вошь] стала расти [в его глазах], а через три года уподобилась тележному колесу, все же остальные предметы [казались ему] величиной с холм или гору. Взял [он] лук из яньского рога, стрелу из цзинского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, не порвав волоса.

Доложил об этом Стремительному Вэю. Стремительный Вэй ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

— Ты овладел [искусством]!

Тогда Цзи Чан понял, что во всей Поднебесной для него остался лишь один соперник, и задумал убить Стремительного Вэя.

Они встретились на пустыре и стали друг в друга стрелять. Стрелы их на полдороге сталкивались наконечниками и падали на землю, не поднимая пыли. Но вот у Стремительного Вэя иссякли стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна. Он спустил ее, но Стремительный Вэй точно отразил стрелу колючкой кустарника.

И тут оба мастера заплакали, отбросили луки, поклонились друг другу до земли и просили друг друга считаться отцом и сыном. Каждый надкусил себе руку, [и кровью] поклялся никому более не передавать своего мастерства.

* * *

Чжэнец-Дровосек, собирая топливо в отдаленном месте, повстречал испуганного оленя, ударил его и убил. Боясь, что кто-нибудь заметит оленя, дровосек поспешил спрятать его во рву и прикрыть хворостом. Но от радости он вдруг забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось во сне.

По дороге [дровосек] пел о том, что с ним случилось. Песню подслушал прохожий и благодаря этому нашел оленя. Придя домой, он сказал своей жене:

— Дровосек во сне добыл оленя, но не знал, где он находится. Теперь же я его нашел. Дровосек воистину видел вещий сон.

Жена возразила:

— Не приснилось ли тебе, что дровосек добыл оленя? Откуда взялся дровосек? Поистине ты добыл оленя, значит твой сон и был вещим.

Муж ответил:

— Зачем разбираться, кому приснилось: ему или мне? Я же добыл оленя!

Дровосек вернулся домой, но не мог примириться с потерей оленя. Той же ночью в вещем сне увидел он место, где спрятал оленя, и человека, который нашел оленя. На следующее утро дровосек отыскал приснившегося ему человека, а затем пошел в суд спорить из-за оленя. Его послали к Наставнику мужей.

Наставник мужей сказал:

— Если [ты] сначала действительно добыл оленя, то напрасно называешь это сном. [Если же] на самом деле добыл оленя во сне, то напрасно называешь это действительным. [Если] Прохожий действительно взял твоего оленя, то спорит с тобой из-за оленя. [Если же] его жена [правильно] говорит, что он узнал о чужом олене во сне, тогда никто не добыл оленя. [Однако] вот доказательство — олень. Прошу разделить его на две части и пусть услышит об этом царь Чжэн.

Царь Чжэн сказал:

— Увы! Не видел ли и [сам] судья во сне, что разделил чужого оленя?

[Царь] спросил совета у помощника. Помощник же сказал:

— [Ваш] слуга не может разобраться, сон это был или не сон. Отличить сон от яви [могли] лишь Желтый Предок и Конфуций.

Кто же их различит, [если] ныне нет ни Желтого Предка, ни Конфуция.

Значит, можно довериться решению Наставника мужей.

* * *

Чжуанцзы отправился повидаться с Творящим Благо, который служил советником в Лян. И кто-то предупредил советника:

— Идет Чжуанцзы, [он] зарится на ваш [пост].

Творящий Благо перепугался. [Целых] три дня и три ночи обыскивал [он] страну.

Чжуанцзы явился к нему и спросил:

— Слышал ли ты про птенца, что водится на юге и зовется Юный Феникс? От Южного океана он летит к Северному, гнездится лишь на платане, питается лишь чистыми плодами, пьет лишь из сладкого источника. И вот [этот] Феникс пролетал над Совой, подобравшей дохлую крысу, а та, посмотрев на него снизу, угрожающе крикнула: "прочь!" Ныне и ты угрожающе кричишь: "прочь". Уж не думаешь ли отпугнуть меня от царства Лян?

* * *

В свите Процветающего состояли родовитые люди. Одетые в белый шелк, они разъезжали в колесницах или не спеша прохаживались, посматривая [на всех] свысока.

Заметив Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым дочерна лицом, в платье и шапке отнюдь не изысканных, все они отнеслись к нему презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмехались, обманывали его, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай с Шан-горы не сердился, прихлебатели устали, и выдумки их исчерпались.

Тогда вместе с Каем все они взошли на высокую башню, и один из них пошутил:

— Тот, кто решится броситься вниз, получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв все за правду, поспешил броситься первым. Точно парящая птица, опустился [он] на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Фаня приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем [кто-то], указывая на омут в излучине реки, снова сказал:

— Там — драгоценная жемчужина. Нырни — найдешь ее. Кай снова послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Процветающий велел впредь кормить [Кая] вместе с другими мясом и одевать его в шелк.

Но вот в сокровищнице Фаня вспыхнул сильный пожар. Процветающий сказал:

— Сумеешь войти в огонь, спасти шелк — весь отдам тебе в награду, сколько ни вытащишь!

Кай, не колеблясь, направился [к сокровищнице], исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал и сажа к нему не приставала.

Все в доме Фаня решили, что он владеет секретом, и стали просить у него прощения:

— Мы не ведали, что ты владеешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты — святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас слепыми! Но дозволей нам спросить: в чем заключается твой секрет?

— У меня нет секрета, — ответил Кай с Шан-горы. — Откуда это — сердце мое не ведает. И все же об одном я попытаюсь вам расска-

зять.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я слышал [как они] восхваляли Процветающего: [он]-де властен умертвить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом. И я отправился [к нему], несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня не осталось других желаний. Когда пришел сюда, [я] верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет [с моим телом], боялся лишь быть недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и все.

Только сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги, [я] стал прислушиваться и приглядываться к [вашей] похвальбе. Вспомнил о прошедшем: посчастливилось не сгореть, не утонуть — и от горя, от страха [меня] бросило в жар, охватила дрожь. Разве смогу еще раз приблизиться к воде и пламени?

С той поры удалыцы Фаня не осмеливались обижать нищих и коновалов на дорогах. Встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

Узнав об этом, Цзай Во сообщил Конфуцию. Конфуций же сказал:

— Разве ты не знаешь, что человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, растрогать небо и землю, богов и души предков, пересечь [вселенную] с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя — ничто его не остановит. Кай с Шан-горы поверил в ложь, и ничто ему не помешало. Тем паче, когда обе стороны искренни. Запомни сие, юноша!

* * *

Цзи Лян, друг Ян Чжу, заболел, и на седьмой день [болезнь] усилилась. Сыновья, оплакивая, окружили его. Позвали лекаря.

— Какие неразумные у меня сыновья, — сказал Цзи Лян [своему другу] Ян Чжу. — Не споешь ли ты вместо меня им в поучение?

Ян Чжу запел:

"Что и природа не знает, Откуда узнать человеку? Небо ничем не поможет, Зла не свершит человек. То, что лишь мы с тобою Двое на свете знаем, Разве узнает лекарь, Разве узнает колдун?!".

[Но] сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили в конце концов трех лекарей. Первого звали — Обманщик, второго — Поддакивающий Каждому, третьего — Игрок. Осмотрели больного, и сказал Цзи Ляну Обманщик:

— В твоём [теле] неравномерны холод и жар, неуравновешенны пустое и полное. Болезнь твою вызвали не Небо и не души предков. [Она] происходит и от голода, и от пресыщения, и от вожделения, и от наслаждения, и от забот душевных, и от беззаботности. Но несмотря на это, [я] постепенно [ее] одолею.

— Лекарь, каких много, — заключил Цзи Лян и поспешно его прогнал.

Поддакивающий Каждому сказал:

— У тебя с самого начала, еще во чреве [матери], не хватало жизненной энергии, материнского же молока получал в избытке. Причина болезни возникала постепенно, не за одно утро, и не за один вечер, и вылечить тебя нельзя, — Лекарь хороший, — заключил Цзи Лян и [велел] его накормить.

Игрок сказал:

— Болезнь твоя не от Неба, не от человека и не от душ предков. От природы родилась и с телом оформилась. Мы ведаем о ней настолько, насколько ею управляет естественный закон. Чем же помогут тебе лекарства и уколы камнем?

— Лекарь проницательный, — заключил Цзи Лян и, щедро наградив его, отпустил.

А болезнь Цзи Ляна вдруг сама собой прошла.

* * *

Придя в Сун, Янцзы заночевал на постоялом дворе. У хозяина постоялого двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица, сама [собою] любит себя, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Янцзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и [вас] полюбят всюду, куда бы [вы] ни пришли.

* * *

Знание странствовало на Севере у истоков [реки] Темная вода, вошло на холм Незаметный и встретилось с Недеянием.

— Мне хочется тебя спросить, — сказала Знание Недеянию, — как размышлять, как думать, чтобы познать путь? Где находится, чему покориться, чтобы утвердиться в пути? За кем следовать, какой дорогой, чтобы обрести путь?

Ни на [один из] трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный [берег реки] Светлая вода, вошло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

— Ах! Я это знаю, сейчас тебе скажу, — ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать.

Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало [ему те же] вопросы.

— Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находишься, ничему не покоряешься и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуешь, ни по какой дороге [не ходи] и начнешь обретать путь, — ответил Желтый Предок.

— Мы с тобой это знаем, — сказала Знание. — [А] оба [встреченные мною прежде] не знали. Кто же из [них] прав?

— Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой. Возвышающийся Безумец, ему подобен, — ответил Желтый Предок. — Ни я, ни ты к нему до конца не приблизимся, ибо "Знающий не говорит, говорящий не знает". Поэтому "мудрый и осуществляет учение безмолвно". Пути нельзя постичь в словах, свойств нельзя добиться речами. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями [можно] друг друга обманывать. Поэтому и говорится: "После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии — это украшение учения и начало смуты". Поэтому и говорится: "Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше утрачивает, утратив, снова утрачивает вплоть до того, когда достигает недеяния, недеянием же все совершает". [Если] ныне, уже став вещью, [некто] захочет вернуться к своему корню, не будет ли [это ему] трудно? Это легко лишь великому человеку. [Ведь] жизнь следует за

смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека — это скопление эфира. Соберется [эфир], образуется жизнь, рассеется — образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? [Для всей] тьмы вещей это общее: и то, чем любят, как божественным чудом, и то, что ненавидят как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается. Поэтому и говорится: "Единый эфир пронизывает [всю] вселенную", поэтому и мудрый ценит единое.

Знание сказало Желтому Предку:

— Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. [Это] не значило, что не ответило мне, — не знало, [что] мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. [Это] не значило, что не поведал мне — хотел, но забыл, о чем собирался сказать. Ныне я спросило у тебя, и ты это знал. Почему же [мы к ним] не приблизимся?

— Один воистину прав благодаря своему незнанию, — сказал Желтый Предок, — другой ему подобен благодаря своей забывчивости. Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Услышал об этом Возвышающийся Безумец и решил, что слова Желтого Предка — это [и есть] знание.

* * *

Приносящий Жертвы, Носильщик, Пахарь и Приходящий, беседа, сказали друг другу:

— Мы подружались бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — позвоночником, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое.

Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Как величественно то, что творит вещи, — воскликнул больной, — то, что сделало меня таким согбенным!

На его горбу открылся нарыв. Внутренности [у него] теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос [на затылке] торчал прямо в небеса, Эфир, [силы] жара и холода в нем пришли в смятение, но сердцем он был легок и беззаботен. Дотащившись до колодца и посмотрев на свое отражение, сказал:

— Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

— Тебе это не нравится?

— Нет, как может не нравиться? Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа — в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения [жизни] наступает [свое] время, а [ее] утрата следует [за ее ходом]. Если довольствоваться [своим] временем и во всем [за процессом] следовать, [к тебе] не будут иметь доступа ни горе, ни радость. Древние и называли это освобождением от уз. Тех, кто не способен себя развязать, связывают вещи. Но ведь вещам никогда не одолеть природу. Как же может мне это не понравиться?

Но вдруг заболел Приходящий. [Он] задыхался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

— Прочь с дороги! Не тревожьте [того, кто] превращается! — И, прислонившись к дверям, сказал умирающему: — Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда

тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого?

— Куда бы ни велели сыну идти отец и мать — на восток или запад, на юг или север, [он] лишь повинуется приказанию, — ответил Приходящий. — [Силы] жара и холода человеку больше, чем родители. [Если] они приблизят ко мне смерть, а я ослушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. [Если] ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет: "Я должен стать [мечом] Мосе!", [то] великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. [Если] ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: "[Хочу снова быть] человеком! [Хочу снова быть] человеком!", то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. [Если] ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а [процесс] создания за великого литейщика, то куда бы не могли [мы] отправиться? Завершил и засыпаю, а [затем] спокойно проснусь.

* * *

Мститель не станет ломать [мечей] Мо[се] и Гань[цзян]. Подозрительный не станет гневаться на сброшенную ветром черепицу. [Если] в Поднебесной [всего] будет поровну, не станет ни смуты — нападений и войн, ни казней — убийств, обезглавливания. Значит, путь развивает не человеческую, а естественную природу. С развитием природного рождаются свойства, с развитием человеческого появляются разбойники. [Если] не пресыщаться естественным, не пренебрегать человеческим, народ станет близок своей истинной [природе].

* * *

Учителя Отца Цзао звали Великим Бобом. Когда Отец Цзао пришел к нему учиться управлять колесницей, то по обычаю держался очень скромно. Великий Боб же ничего ему не объяснял целых три года. Отец Цзао относился [к учителю] все почтительнее, и [тот], наконец, с ним заговорил:

— В старинной песне поется:

"Сын хорошего лучника Сначала должен плести корзины. Сын хорошего литейщика Сначала должен шить шубы".

Ты сначала смотри, как я бегаю. Станешь бегать, как я, тогда сможешь взяться за шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

— Буду лишь повиноваться приказу, — ответил Отец Цзао.

Тут Великий Боб сделал дорогу: на расстоянии шага [один от другого] установил столбы, на которых умещалась лишь ступня. По ним он стал ходить, бегать туда и обратно, не скользя и не падая.

Отец Цзао стал этому учиться и за три дня овладел его искусством.

— Как ты понятлив! Как быстро все усвоил! — вздохнув, сказал Великий Боб. — Так поступает Колесничий. Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликался на него сердцем <умом>. Это и распространи на управление колесницей. Держи в порядке вожжи там, где [они] соединены с удилами, натягивай их или ослабляй в согласии с углами губ [коней]. Правильно соразмеряй мысль в своей груди, чувствуй ритм руками. Внутренне овладеешь волей, а внешне [научишься] угадывать желание коней. Тогда-то и сумеешь посылать [коней] вперед или отводить назад, словно по натянутому шнуру, делать повороты или кружиться, словно по угломеру и циркулю, и силы коней хватит с избытком на любой, самый дальний путь. Вот это истинное мастерство. Овладев мастерством [управления] удилами, приводи в соответствие поводья; овладев мастерством [управления] поводьями, приводи в соответствие и руки; [когда руки] овладеют мастерством, приводи в соответствие и мысли. И тогда можешь уже не следить глазами и не подхлестывать кнутом. Будешь стоять прямо с легким сердцем, и шесть пар вожжей не перепутаются, и [топот] двадцати четырех копыт будет равномерным, движения же совершенно точными при езде вперед, назад, кругом и при поворотах. А затем уж твоя колесница проедет всюду, где только поместятся колеса, всюду, где только хватит места для конских копыт. И тогда [езда в любой местности] станет [для тебя]

одинаковой, не заметишь ни отвесных гор, ни узких ущелий, ни топи, ни равнины. На этом кончается мое искусство, и ты им овладел.

* * *

Учитель в Тутового Двора, Мэн Цзыфань и Цзы Циньчжан подружились. Они сказали друг другу:

— Кто способен дружить без [мысли] о дружбе? Кто способен действовать совместно, без [мысли] действовать совместно? Кто способен подняться на небо, странствовать среди туманов, кружиться в беспредельном, забыв обо [всем] живом, [как бы] не имея конца?

[Тут] все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вот Учитель с Тутового Двора умер. Еще до погребения Конфуций услышал об этом и послал Цзыгуна им помочь. [Цзыгун услышал, как] кто-то складывал песню, кто-то подыгрывал на цине, и вместе запели:

Ах! Придешь ли, Учитель с Тутового Двора. Ах! Придешь ли, учитель! Ты уже вернулся к своему истинному, А мы все еще люди!

Поспешно войдя, Цзыгун сказал:

— Дозвольте спросить, по обряду ли [вы] так поете над усопшим?

— Что может такой понимать в обряде? — заметили [оба], переглянулись и усмехнулись.

Цзыгун вернулся, доложил Конфуцию и спросил:

— Что там за люди? Приготовлений [к похоронам] не совершали, отчужденные от формы, пели над усопшим и не изменились в лице. [Я] даже не знаю, как их назвать! Что там за люди?

— Они странствуют за пределами человеческого, — ответил Конфуций, — а [я] Цю, странствую в человеческом. Бесконечному и конечному друг с другом не сблизиться, и [я], Цю, поступил неразумно, послав с тобой [свое] соблезнование. К тому же они обращаются с тем, что творит вещи, как с себе подобным, и странствуют в едином эфире неба и земли. Для них жизнь — [какой-то] придаток, зоб; смерть — прорвавшийся чирей, освобождение от нароста. Разве такие люди могут понять, что такое смерть и что такое жизнь, что сначала, а что в конце? [Они] допускают, что тело состоит из различных вещей. Забывая о собственных глазах и ушах, о печени и желчи, [они твердят] все снова и снова о конце и начале, не зная границ. [Они] бессознательно блуждают за пределами пыли и праха, [странствуют] в беспредельном, в области недеяния. Разве станут они себя затруднять исполнением людских обрядов?

Представать перед толпой зрителей, [говорить] для ушей [толпы слушателей]?

— Почему же тогда [вы], учитель, следуете обрядам? — спросил Цыгун.

— На [мне], Цю, кара Небес! И все же я разделяю ее с тобою, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь ли спросить про их учение?

— Рыба создана для воды, а человек — для пути, — ответил Конфуций. — Тот, кто создан для воды, кормится, плавая в пруду. Тот, кто создан для пути, утверждает [свою] жизнь в недеянии. Поэтому и говорят: "Рыбы забывают друг о друге в [просторах] рек и озер, люди забывают друг о друге в учении о пути".

— Осмелюсь ли узнать, [что за человек] тот, кто чуждается людей? — спросил Цыгун.

— Тот, кто чуждается людей, равен природе, — ответил Конфуций. — Поэтому и говорится: "Человек ничтожный для природы — благородный муж [царь] для людей; благородный муж для людей — человек ничтожный для природы".

* * *

Учитель Лецзы, после того как обучился у Лесного с Чаши-горы и подружился с Темнеющим Оком, поселился в Южном Предместье. Приверженцы его поселились [тут же. Их] каждый день считать не успевали, и сам Лецзы не знал, сколько [их], хотя каждое утро [он] вел с ними диспуты, и об этом стало повсюду известно. Учитель Лецзы двадцать лет прожил рядом с Учителем Южного Предместья, отделенный от него лишь оградой. Однако друг друга [они] не посещали и не приглашали, встречаясь же на улице, как будто друг друга не замечали. Ученики и слуги у ворот считали, что между учителем Лецзы и Учителем Южного Предместья существует вражда.

[Некий] чусец спросил учителя Лецзы:

— Почему [вы], Пржеджерожденный, и Учитель Южного Предместья чуждаетесь друг друга?

— Зачем к нему ходить? — ответил учитель Лецзы. — Лицо Учителя Южного Предместья [отличается] полнотой, а сердце — пустотой, уши у него не слышат, глаза не видят, уста молчат, сердце не знает, тело не движется. И все же попытаюсь вместе с тобой отправиться [на него] посмотреть.

[С ними] пошли сорок учеников. [Они] увидели, что [лицо] Учителя Южного Предместья действительно похоже на маску чудовища, с ним нельзя общаться. Повернулись к учителю Лецзы и увидели, что жизненная энергия у него отделилась от тела и он вышел из толпы.

Вдруг Учитель Южного Предместья указал на ученика Лецзы в последнем ряду и заговорил с ним радостно, как будто [перед ним] совершеннейший и сильнейший. Ученики Лецзы удивились, и на обратном пути лица всех выражали сомнение.

— Зачем так удивляться? — сказал Лецзы. — Добившийся желаемого молчит, исчерпавший знания также молчит. Речь с помощью молчания — также речь, знание с помощью незнания — также знание. Отсутствие слов и молчание, отсутствие знаний и незнание — это ведь также речь, это ведь также знания. [Значит], нет ничего, о чем бы не говорил, нет ничего, о чем бы не знал; [значит] также, что не о чем говорить, нечего знать. Только и всего.

* * *

Нерешительный [по прозвищу] Сладость Лотоса и Священный Земледелец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. [Как-то] днем Священный Земледелец затворил двери и, опершись о столик, задремал. А в полдень, распахнув двери, [к нему] вошел Нерешительный и сказал:

— Старый Дракон скончался!

Священный Земледелец со сна схватился за посох и вскочил, но вдруг отпустил посох и, улыбнувшись, сказал:

— [О] Небо! [Он] знал, как я невежествен, груб и распущен, поэтому бросил меня и умер. Увы! Учитель умер, не открыв мне [своих] безумных слов.

Его речь услышал Насыпающий Курган, который высказал свое соболезнование и заметил:

— К воплотившему путь прибегают со всей Поднебесной благородные мужи. Ныне и тот, кто обрел лишь волосок осенней паутины, меньше чем одну из десяти тысяч долей [пути], понял, что умерший унес с собой свои безумные речи, а тем более [понимают это] те, что воплотили путь. Смотрят на него — бесформенный; слушают его — беззвучный. Люди, о нем рассуждающие, называют его — темный-темный. Но так судить о пути — значит отрицать путь.

* * *

Ограждающий спросил у [своих] помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть? — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью [своей] ты не владеешь, ибо она — соединение [частей] неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это — случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной, [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила] тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

* * *

Один приморский житель любил чаек. Каждое утро отправлялся в море и плыл за чайками. Чайки же слетались к нему сотнями.

Его отец сказал:

— Я слышал, что все чайки следуют за тобой. Поймай-ка мне [нескольких] на забаву.

На другое утро, [когда Любитель чаек] отправился в море, чайки кружились [над ним], но не спускались.

Поэтому и говорится: "Высшая речь — без речей, высшее деяние — недеяние". То знание, которое доступно всем, — неглубоко.

* * *

Чжао Сянцзы с сотней тысяч человек отправился на огневую охоту в Срединные горы. С помощью высокой травы подожгли лес, и пламя охватило [его] на сотни ли. [И тут] из каменного утеса вышел человек, [который] поднимался и опускался вместе с дымом и пеплом. Все сказали, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, тот человек вышел не спеша.

Чжао Сянцзы удивился, удержал его и незаметно осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями [в голове] — человек; по дыханию, голосу — человек. И [Чжао Сянцзы] спросил:

— С помощью какого секрета живешь в камне? С помощью какого секрета проходишь через огонь?

— Что называешь камнем? Что называешь огнем? — спросил его тот.

— То, откуда [ты] недавно вышел, — камень; то, через что недавно прошел, — огонь.

— Не ведаю, — ответил тот.

Услышал об этом вэйский царь Прекрасный и спросил Цзыся:

— Что это был за человек?

— [Я], Шан, слышал от учителя, что [человек, который обрел] гармонию, во всем подобен [другим] вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может все — и проходить через металл и камень, и ступать по воде и пламени.

— А почему ты этого не делаешь? — спросил царь Прекрасный.

— [Я], Шан, еще не способен открыть свое сердце и очистить [его] от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда есть досуг.

— Почему не делает этого учитель?

— Учитель способен на это, — ответил Цзыся, — но способен и не делать этого.

[Ответ] очень понравился царю Прекрасному.

* * *

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметят Горбуна, который ловил цикад, будто [просто] их подбирал,

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика] и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех на которые] положу три [шарика] и [шарики] не упадут, теряю одну из [каждых] десяти: [тех же, на которые] положу пять шариков и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пенёк, руки держу, словно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля его не рассеивается, а сгущается в душе! — воскликнул Конфуций, обернувшись к своим ученикам.

* * *

Беззубый спросил [Учителя] в Тростниковом Плаще, [что такое] путь? [Учитель] в Тростниковом Плаще сказал: "Если выпрямишь свое тело, [сосредоточишь] на одном свой взор, то [к тебе] придет согласие с природой. [Если] соберешь свои знания, [сосредоточишься] на одном мериле, то мудрость придет в [твое] жилище; свойства станут твоей красотой, и путь с тобою поселится. Ты будешь смотреть просто, словно новорожденный теленок, и не станешь искать всему этому причины".

Не успел [Учитель] договорить, как Беззубый заснул. В большой радости [Учитель] в Тростниковом Плаще пошел от него и запел:

"Телом подобен иссохшим ветвям, Сердцем подобен угасшему пеплу, Сущность познал до глубоких корней, Бремя прошедшего сбросив навеки. Темный, туманный, без чувств и без мыслей, Не говори с ним Ведь он — настоящий!".

* * *

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом]; струи спадают с высоты в три тысячи сажень, пена бурлит на сорок ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел [из воды] с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и [ему] сказал:

— Я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как] ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот почему я и хожу по воде.

— Что означает "от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба?" — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов — [такова] привычка; вырос на воде и удовлетворен [жизнью] на воде

— [таков] характер; это происходит само по себе, и я не знаю почему — [такова] судьба.

* * *

Жань Цю спросил Конфуция:

— Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — В древности [было] то же, что и ныне.

Потеряв [нить] разговора, Жань Цю ушел.

На другой день снова явился [к учителю] и сказал:

— Вчера я спросил: "Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?". Учитель ответил: "Можно. В древности [было] то же, что и ныне". Осмелюсь ли задать вопрос, почему вчера мне [это] было ясно, а сегодня — нет?

— Вчера было ясно, — ответил Конфуций, — [ибо ты] духовно заранее [подготовился] к восприятию [ответа]. Сегодня неясно, [ибо ты] ищешь [ответа] не для духовного. Нет ни древности, ни современности, нет ни начала, ни конца. А могли быть сыновья и внуки до того, как появились сыновья и внуки?

Жань Цю не [успел] ответить, как Конфуций продолжил:

— Постой! Не отвечай! Умирают не оттого, что рождаются живые; живут не оттого, что умирают мертвые. И смерть и жизнь от [чего-то] зависят; у них обеих есть единое общее. Разве было вещью то, что родилось прежде неба и земли? Вещество в вещах, — это не вещь. Вещи не могли появиться прежде вещей. Совершенно так же были вещи, совершенно так же появлялись вещи — без конца. Подражая этому, и мудрец также всегда бесконечен в любви к людям.

* * *

У чжоуского царя Сюаньвана начальником над пастухами был раб Жердочка Для Птиц. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла или скопу [рыболова]. В его присутствии самцы и самки спаривались и размножались, образуя целые стада. Разнообразные виды [зверей] паслись рядом, не царапая и не кусая друг друга.

Обеспокоенный тем, как бы секрет искусства раба не умер вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода с Маогоры.

Он же сказал [Садоводу]:

— [Я], Жердочка, — презренный раб. Какое искусство могу тебе передать? Но боюсь, как бы государь не обвинил [меня] в том, что [я] утаил от тебя [секрет], и скажу вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потекают, и сердиться, когда перечат,— в природе каждого, в ком течет кровь. Но разве радость и гнев проявляются случайно?! Гнев [зверя] вызывают, когда идут против [его] воли. Во время кормежки не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, [тигр] придет в ярость; не решаюсь давать целую тушу: разрывая ее, придет в ярость. Своевременно кормлю голодного и постигаю, [что] приводит его в ярость. Тигр и человек [принадлежат] к различным видам. Человек потекает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит — и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Не решусь также и потекать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости вернется непременно к гневу, а от гнева вернется снова к радости; ни тем, ни другим способом не достигну цели.

Ныне, [когда] у меня нет мысли ни потекать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. [Действую] по закону природы — предоставлять каждого самому себе, поэтому [они] бродят по моему саду, не вспоминая о высотах [горных] лесов и просторах болот; засыпают на моем дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

* * *

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу? [Ведь] тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо [ты] спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? [Когда] ты услышал свирель человека. не знал еще, что такое свирель земли; [когда] услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля и говорят, что [подул] ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоюет сквозь тьму [земных] отверстий. Разве тебе не [случалось] слышать [подобные] голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов, подобны носу, рту, ушам; подобны перекладам, оградкам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, [голоса] высокие, низкие, [звуки] протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, [как] свирель человека — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— [В ней] звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все [вещи] звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?!

* * *

Полутень спросила у Тени:

— Почему [вы] так непостоянны? Раньше вы двигались, а теперь [почему-то] остановились, раньше вы сидели, а теперь [почему-то] встали?

— [Может быть], я так поступаю в зависимости [от чего-то]? — ответила Тень. — [А может быть] я так поступаю в зависимости [от чего-то], зависящего еще [от чего-то]? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

* * *

Не имеющее начала, но постоянно рождающее — это путь. Когда рожденный живым не гибнет [преждевременно], хотя и смертен, — это постоянство; когда рожденный живым гибнет [преждевременно] — это несчастье. То, что обладающий началом неизменно умирает, — это закон пути. Когда смертный умирает по своей вине, хотя [срок его жизни] еще не закончился, — это постоянство; когда смертный живет — это счастье. Поэтому жизнь, не обладающая назначением, называется путем, и конец [жизни], обретенный с помощью пути, называется постоянством; смерть, обладающая назначением также называется путем, и смерть [преждевременная], обретенная с помощью пути, также называется постоянством.

Когда умер Цзи Лян, Ян Чжу пел, глядя на ворота его дома; когда умер Суй У, Ян Чжу рыдал, глядя его тело. Когда же родится раб, толпа поет; когда умирает раб, толпа плачет.

* * *

Вначале Лецзы любил странствовать.

— [Ты], Защита Разбойников, любишь странствия. Что же в них хорошего? — спросил Учитель с Чаши-горы.

— Радость странствий в том, — ответил Лецзы, — что наслаждаешься отсутствием старого. Другие в странствиях наблюдают за тем, что видят. Я в странствиях наблюдаю за тем, что изменяется. Есть странствия и странствия! Еще никто не сумел определить различия в этих странствиях!

— [Ты], Защита Разбойников, странствуешь, конечно, как и другие, а говоришь, что иначе, чем другие. Во всем, на что смотришь, всегда видишь изменения, наслаждаешься отсутствием старого в других вещах, а не ведаешь, что в тебе самом также отсутствует старое. Странствуя во внешнем [мире], не ведаешь, как наблюдать за внутренним [миром]. Кто странствует во внешнем, ищет полноты в [других] вещах; кто наблюдает за внутренним, находит удовлетворение в самом себе. Находить удовлетворение в самом себе — вот истинное в странствиях, искать полноты в [других] вещах — вот неистинное в странствиях.

И тогда Лецзы понял, что не постигает [смысла] странствий, и до конца жизни больше не уходил.

— Истинное в странствиях! — сказал учитель с Чаши-горы. — При истинных странствиях не ведают, куда направляются: при истинном наблюдении не ведают, на что смотрят. Все вещи странствуют, все твари наблюдают — вот то, что я называю странствием, вот то, что я называю наблюдением. Поэтому и говорю: истинное — в странствиях! Истинное — в странствиях!

* * *

Огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть.

* * *

Учитель Лецзы попал в нужду и отощал от голода. [Какой-то] гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь, — спросил он, — не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле, Защита Разбойников, — бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Лецзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но [проса] не принял. Посланец удалился.

Лецзы вошел [в дом]. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала [я], что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отощали от голода. Царь дарит [вам], Прездорожденному, зерна. Разве это не судьба? А [вы], Прездорожденный, отказываетесь!

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара].

А народ и вправду восстал и прикончил Цзыяна.

* * *

Лецзы направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела [она] просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, которых отдает все силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — [Но если] ты останешься у себя, люди станут [искать] у тебя защиты.

Вскоре Темнеющее Око пришел [к Лецзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Лецзы. Лецзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку [вы], Преждерожденный, пришли, не дадите ли мне совет?

— [Все] кончено! Я предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так! Способный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался не способным помешать другим искать защиты. К чему это?

[Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и поколеблет [тебя] самого. Никто из твоих последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

* * *

Учитель Лецзы учился у учителя Лесного с Чаши-горы, и учитель Лесной сказал:

— Если постигнешь, как держаться позади, можно будет говорить и о том, как сдерживать себя.

— Хочу услышать о том, как держаться позади, — ответил Лецзы.

— Обернись, взгляни на свою тень и поймешь.

Лецзы обернулся и стал наблюдать за тенью: тело сгибалось, и тень сгибалась; тело выпрямлялось, и тень выпрямлялась. Следовательно, изгибы и стройность исходили от тела, а не от тени. Сгибаться и выпрямляться — зависит от [других] вещей, не от меня. Вот это и называется: держись позади — встанешь впереди.

* * *

Страж Границы сказал Лецзы:

— Слова прекрасны, тогда и отклик прекрасен; слова безобразны, тогда и отклик безобразен. Тело длинное — тень длинная; тело короткое — тень короткая. Имя — отклик, [поступки] тела — тень. Поэтому и говорится:

"Будь осторожен в словах — с ними согласятся. Будь осторожен в поступках — за ними последуют".

Поэтому-то мудрые люди наблюдали за выходящим, чтобы узнать входящего; наблюдали за прошлым, чтобы узнать будущее. В этом и заключается [естественный] закон предвидения. Мера — в себе самом, а подтверждение [опыт] — в других. Другие любят меня, и я их непременно люблю, другие ненавидят меня, и я их непременно ненавижу. Испытующий и Воинственный любили Поднебесную и стали царями, Разрывающий на Части и Бесчеловечный ненавидели Поднебесную и погибли. Вот это и есть подтверждение [на опыте]. Того, кто без учения хочет понять и меру и подтверждение, сравним с тем, кто выходит, но не через двери, идет, но не по дороге. Разве не трудно будет такому добиться полезного? Когда-то [я] познавал добродетель Священного Земледельца, Владеющего огнем, изучал предания об Ограждающем и Молодом Драконе, [царствах] Шан и Чжоу, речи законодателей и мудрых [и понял]: не бывало, чтобы без этого учения [могли] определить [причины] существования и гибели, расцвета и упадка.

* * *

Янь Хой спросил:

— Те, кто спрашивает об учении, домогаются богатства. Ныне же [я] обрел жемчужину, значит, разбогател. Какая же выгода от учения?

Учитель Лецзы ответил:

— Удачно [задал вопрос]! Ведь я тебе [об этом] еще не говорил. Разрывающий на Части и Бесчеловечный ценили только выгоду, презирали учение, поэтому и погибли. Человек, [который] не знает долга и только ест, подобен курице или собаке. Те, кто дерется и бодается, вырывая [друг у друга] пищу, и признает победителя вожаком, подобны хищным птицам и зверям. Тот, кто, уподобляясь курице или собаке, хищной птице или зверю, стремится обрести уважение людей, [ничего] не добьется. Если же не обретет уважения, [его] настигнут опасность и позор.

* * *

Лецзы учился стрелять. Попав в цель, попросил [указаний] у Стража Границы. Страж Границы задал вопрос:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Не знаю.

— [Значит], еще не овладел [мастерством].

Лецзы ушел, упражнялся три года и снова [явился] с докладом.

Страж Границы спросил:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Знаю, — ответил Лецзы.

— [Теперь] овладел [мастерством]! Храни и не забывай!

Поступай так, [изучая] не только стрельбу, но и себя самого, и царство. Ибо мудрый человек познает не существование и гибель, а их причины.

* * *

Лецзы сказал:

— Полный красоты — горд, полный сил — необуздан, с ними нельзя говорить об учении. Поэтому [пока] не поседеют, [с ними] не стоит и говорить об учении, а еще менее — о его осуществлении. Необузданному люди не могут советовать. [Если же] люди не могут [ему] советовать, то [он] остается одиноким, без помощников. Умный полагается на людей, поэтому и в старости не дряхлеет, знания [у него] исчерпывающие и беспорядков не возникает. Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

* * *

Совершенный от Северных Ворот сказал Желтому предку:

— [Вы], владыка, исполняли мелодию "Восход солнца" на просторах у озера Дунтин. Я стал ее слушать и сначала испугался, затем предался бездействию, под конец пришел в смятение. Взволнованный, молчал и [долго] не мог овладеть собой.

— Ты близок к истине, — ответил Желтый Предок. — Я сложил [эту] мелодию с помощью человеческого, настроил [цинь] с помощью природного, исполнил с помощью обрядов и долга, наполнил ее великой чистотой. [Ведь] настоящая мелодия сначала соответствует людским делам, согласуется с естественными законами, осуществляется с помощью пяти добродетелей, отвечает естественности; затем она приводит к гармонии четыре времени года, к великому единству — [всю] тьму вещей. Одно время года сменяется другим и соответственно рождается [вся] тьма вещей, то расцветая, то увядая, с постоянным распределением [дел] гражданских и военных. [Эфир] прозрачный и [эфир] мутный [с помощью сил] жара и холода гармонически соединяются, в потоках света [слышится] их звучание. [Чтобы] насекомые очнулись от спячки, я пробуждаю их раскатами грома. Конец без исхода, начало — без зачина. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — [эти явления] постоянны и бесконечны, но каждый раз неожиданны, поэтому ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, объединяющую [силы] жара и холода, озарил ее сиянием солнца и луны. Звуки то прерывистые, то протяжные, то нежные, то суровые, изменяются [все они] в единстве. В них постоянство, ибо нет главенствующего. В долине — [звуки] наполняют всю долину, в котловине — всю котловину. [Размах] мелодии определяется объемом вещи; прегради все щели — и сохранится [ее сила]. Она широка и свободна, название ее высокое и светлое. Поэтому души предков и боги будут держаться во мраке, а солнце и луна, планеты и звезды — продвигаться своим порядком. Я останавливался вместе с теми, у которых есть предел, двигался вместе с теми, которые бесконечны. Я размышлял о них, но не мог их постичь; смотрел на них, но не смог их увидеть; следовал за ними, но не мог их догнать. Бездумно стоял [я] на пути к четырем пустотам, опираясь на высокий платан, и пел. Зрение истощилось в стремлении все увидеть, силы истощились в стремлении все догнать. Я не сумел [всего] достичь, и тело

наполнилось пустотой, успокоилось, поэтому-то и [ты] упокоился и предался бездействию.

Я снова заиграл, не ленись, соединив мелодию с естественной жизнью. [Звуки] следовали беспорядочно, бесформенные, будто в зарослях мелодии леса. Разливаясь широко, но не растягиваясь, сумрачная, смутная, [почти] беззвучная, [она] ниоткуда не исходила, задерживалась в глубокой тьме. Одни называли ее умиранием, другие — рождением; одни — плодом, другие — цветением. В движении, в течении [она] рассеивалась. перемещалась, не придерживаясь постоянного. В мире в ней сомневались, [предоставляя] мудрому [ее] изучать. Мудрый же постигал [ее] природу, а следовал естественности. Творческая сила природы еще не затрагивалась, а [все] пять органов чувств уже наготове. Это и называется естественной мелодией: слов нет, а сердце радуется. Поэтому род Владеющих Огнем ее и [прославил] в гимне.

Вслушайся — звука ее не услышишь. Формы ее не увидишь, всмотревшись. Небо заполнит, наполнит и землю, Шесть полюсов обнимая собою.

Ты захотел ее услышать, но не воспринял, а поэтому и пришел в смятение. Мелодию [я] начал со страха, страх и вызывает наваждение. Затем я снова [заиграл] ленивее, [ты] предался бездействию, поэтому [все] и отступило. В заключение же [я] вызвал смятение. От смятения приходят к омрачению, от омрачения — к пути. Путем можно наполниться и с ним пребывать.

* * *

При чжоуском царе Му из страны на крайнем Западе явился человек, владеющий [силой] превращений. Входил в огонь и воду, проходил через металл и камень, переворачивал горы, менял течение рек, передвигал обнесенные стенами города. Поднимался в пустоту и не падал, проходил сквозь твердое, не встречая препятствий, тысячам и десяткам тысяч его превращений не было конца. Он изменял и форму вещей и мысли людей.

Царь Му почитал его, словно духа, служил ему, словно царю, уступил ему царские покои, угощал его мясом вскормленных для жертв быков, баранов, свиней; чтобы развлекать его, отбирал лучших девушек-певиц. Однако тот человек не мог жить в царских покоях, находя их низкими и безобразными; не мог есть яств царской кухни, находя их сырыми и зловонными; не мог приблизиться к царским наложницам, находя их некрасивыми и вонючими.

Тогда царь Му стал воздвигать для него строение, [призвав на помощь] все искусство [своих] мастеров по глине и дереву, по окраске красным и белым. [Все] пять сокровищниц опустели, пока башня была закончена. Высотой в тысячу сажений, она возвышалась над вершиной Южной горы и называлась Вздвигающейся к Небу башней. Для башни выбрали красивейших из дев в [Царствах] Чжэн и Вэй, умастили [их] ароматными маслами, подрисовали [им] брови — усики бабочки, убрали прическу шпильками, продели [в уши] серьги, одели их в тончайший холст, подчернили брови, украсили нефритовыми подвесками, различными душистыми травами. Заполнив башню, [красавицы] сыграли песни "Принимаем облака", "Шесть драгоценных нефритов", девять тактов мелодии ["Великое Цветение", "Утреннюю росу", чтобы развеселить человека, владевшего [силой] превращений.

Каждую луну [царь] подносил [ему] драгоценные одежды, каждое утро — тонкие яства. Тот же до всего снисходил как бы нехотя. Прожив недолго [в башне, тот человек] пригласил царя прогуляться. Держась за его рукав, царь взлетел с ним ввысь на самое Срединное небо и очутился в его дворце. Дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Возвышался [он] и над облаками и над дождем, а на чем покоился — неведомо. Издали он казался пушистым облаком. Все здесь для зрения и слуха, обоняния и вкуса было иным, чем в мире людей.

Царь, считая, что оказался поистине в обители предков — Чистой Столице Пурпурной Звезды, [наслаждался] широтой мелодии небесной музыки. Наклонив голову, царь увидел внизу свой дворец и террасы, похожие на комья земли и кучи хвороста. Царю казалось, что прожил [он] здесь десятки лет, не вспоминая о своей стране. Но [вот] человек, владевший [силой] превращений, снова пригласил царя прогуляться, и [они] пришли туда, где наверху не видно было ни солнца, ни луны, а внизу — ни рек, ни морей. Свет и тени ослепили царя, и [он] не мог ничего разглядеть; звуки и эхо оглушили царя, и [он] не мог ничего расслышать. Все его кости и внутренние органы затрепетали, [он] не мог сосредоточиться, мысли [у него] омрачились, жизненная сила истощилась, и [он] стал уговаривать того человека вернуться обратно. Тот [его] толкнул, и царь камнем свалился в пустоту.

Очнулся [он] на том же месте, что и прежде: в свите были те же люди, что и прежде: вино перед ним еще не остыло, кушанья еще не высохли.

— Откуда [я] прибыл? — спросил царь.

— Государь [сидел] задумавшись, — ответили слева и справа.

Тут царь Му впал в беспамятство. Пришел в себя [лишь] через три месяца и снова спросил человека, владевшего [силой] превращений. Тот ответил:

— Разве мы с государем двигались? [Нет!] Мы странствовали мысленно. А разве место, где [мы] жили, не иное, чем дворец государя? Разве места, где странствовали, не отличались от заповедника государя? Привыкнув к постоянному, сомневаешься в возможности забыться на время? При высшем же изменении в один миг можно исчерпать все возможные формы.

В большой радости царь перестал заботиться о государственных делах, наслаждаться своими наложницами и всеми мыслями предался далеким странствиям.

[Он] приказал запрячь в две колесницы восемь своих добрых коней. В переднюю колесницу запрягли справа Рыжего Черногривого, слева

— Зеленое Ухо, правой пристяжной — Рыжего Быстроногого, слева — Белую Жертву. Колесничим был Отец Цзао, помощником — Тай Бин. В упряжку второй колесницы запрягли справа Огромного Буланого, слева — Превосходящего Колесо (?), правой пристяжной — Быстроногого Вороного, левой — Сына Гор.

Ведущим был Бо Яо, колесничим — Шэнь Бо, помощником — Бэнь Жун.

Промчались тысячу ли и прибыли в страну Огромных Охотников. Огромные Охотники подвезли царю и [его] людям на двух колесницах кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. Напившись, поехали дальше и заночевали на склоне [гор] Союз Старших Братьев к югу от Красных Вод.

На другой день поднялись на вершину [горы] Союз Старших Братьев, чтобы полюбоваться на дворец Желтого Предка, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям. Затем отправились погостить к Матери Западных Царей и пировали над Озером Белого Нефрита.

Мать Западных Царей пела царю, а он вторил ей, но слова были печальны. Наблюдая, как закатилось солнце, прошедшее за день десятки тысяч ли, царь со вздохом сказал:

— Увы! Я — человек, который не обладал полнотой основных свойств, но увлекался наслаждениями. Потомки осудят меня.

Разве царь Му священен? [Ведь он] сумел исчерпать наслаждения в своей жизни и все же умер, [прожив] до ста лет. В мире считали, что [он] поднялся [ввысь].

* * *

Гуань Чжун правил колесницей, [когда царь] Хуаньгун охотился на болоте и увидел духа. Царь дотронулся до руки Гуань Чжуна и спросил:

— Видел ли [ты] что-нибудь, Отец Чжун?

— [Я, Ваш] слуга, ничего не видел, — ответил Гуань Чжун.

Вернувшись, царь лишился сознания, заболел и несколько дней не выходил.

Среди цисских мужей был Хуанцзы Обвинитель Гордыни, который сказал:

— Как мог дух повредить царю? Царь сам себе повредил! Ведь от гнева эфир рассеивается и не возвращается, поэтому [его] и не хватает. [Если], поднявшись, [эфир] не спускается, человек становится вспыльчивым; [если], опустившись, не поднимается, человек становится забывчивым; [если], не поднимаясь и не опускаясь, остается в середине, в сердце, [человек] заболевает.

— Но существуют ли тогда духи? — спросил царь.

— Существуют, — ответил Хуанцзы. — У озера есть Соломенный Башмак, у очага — Высокая Прическа, в куче сора во дворе обитает Гром, в низине на северо-востоке на берегу реки прыгает Лягушка, в низине на северо-западе обитает Домовой; в реке есть Водяной; на холмах — Разноцветная Собака, в горах — Одноногий, в степях — Двуглавый Змей, на болотах — Извивающийся Змей.

— Разреши узнать, как выглядит Извивающийся Змей? — задал вопрос царь.

— Извивающийся Змей, — ответил Хуанцзы, — толщиной со ступицу, а длиной с оглоблю, одет в фиолетовое платье и пурпурную шапку. По природе он злой. Как слышит грохот колесницы, встает стоймя, охватив голову. Тот, кто его увидит, станет [царем] царей.

— Вот его-то [я], единственный, и увидел, — сказал царь и захотел. Тут [он] оправил на себе одежду и шапку и уселся рядом с Хуанцзы. День еще не кончился, а болезнь незаметно прошла.

* * *

Некогда царь Чжао Прекрасный пристрастился к фехтованию. Фехтовальщики осаждали [его] ворота, и гостили у него по три тысячи человек и более. Днем и ночью перед дворцом происходили поединки. За год убивали и ранили больше сотни удалцов. Страсть же царя оставалась ненасытной.

Прошло три года. Царство [Чжао] стало приходить в упадок, [другие] цари начали строить против него козни. Сокрушаясь об этом, наследник Печальный собрал [всех придворных, чьи места] справа и слева, и спросил:

— Кто бы взялся отвратить царя от его страсти и положить конец [поединкам] фехтовальщиков? [Тому я] дал бы в награду тысячу золотом.

— [Это] под силу [только] Чжуанцзы, — ответили справа и слева.

Наследник отправил посланцев к Чжуанцзы, чтобы поднести [ему] тысячу золотом. Чжуанцзы золота не принял, [но] отправился вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит [мне] наследник, награждая [меня], Чжоу, тысячей золотом?

— Прослышав о [Вашей] проницательности и мудрости, учитель, — ответил наследник, — [я] почтительно поднес тысячу золотом на дары [Вашей] свите. Но разве осмелюсь [я] заговорить, [если Вы], учитель, [дар] отклонили!

— [Я] слышал, — сказал Чжуанцзы, — что [вы], наследник, хотите с [моей] помощью отвратить царя от [его] страсти. Предположим, что [я, Ваш] слуга, отговаривая высшего, государя, стану ему перечить, и для низшего, для [вас], наследник, не сумею уладить дело. Меня покарают смертью. К чему тогда [мне], Чжоу, золото? Предположим, что [я, Ваш] слуга, уговорю высшего, великого государя, улажу дело низшего, [Ваше], наследник. [Ведь тогда я] получу все, что бы ни пожелал в царстве Чжао!

— Верно! — молвил наследник. — Но наш государь допускает к себе только фехтовальщиков.

— Прекрасно, — ответил Чжуанцзы. — [Я] отлично фехтую.

— Верно, — сказал наследник, — но у всех фехтовальщиков, которых принимает наш государь, волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди. У них] сердитый вид, а речь косноязычна. Такие-то царю и нравятся. [Если же] ныне [Вы],

учитель предстанете перед государем в платье мыслителя, дело примет плохой оборот.

— Дозвольте [мне] приготовить себе костюм фехтовальщика, — попросил Чжуанцзы.

Через три дня, [Чжуанцзы] в костюме фехтовальщика встретился с наследником, и вместе [с ним] предстал перед царем.

Царь ожидал их, обнажив клинок.

Не спеша Чжуанцзы вошел в зал, а, глянув на царя, не поклонился.

— Если желаешь чему-нибудь меня обучить, — сказал государь, — покажи сначала [свое умение] наследнику.

— [Я, Ваш] слуга, слышал, что великому государю нравится фехтование, поэтому и предстал перед государем как фехтовальщик.

— Как ты управляешься с мечом? — спросил государь.

— Через [каждые] десять шагов, меч [в руке Вашего] слуги, разит одного человека, на тысяче ли не оставляет в [живых] ни одного путника.

— В Поднебесной [тебе] нет соперника! — воскликнул обрадованный царь.

— Хорошо бы [с кем-нибудь] помериться силами. Фехтуя [я], сделав ложный выпад, даю противнику [как будто] преимущество. [Но], нанося удар позже него, опережаю его в попадании.

— [Вы], учитель, [пока] отдохните! Ожидайте приказа в [своих] покоях. [Я] же велю устроить забаву и приглашу [Вас], учитель, — сказал царь.

Тут государь устроил состязание меченосцев, и за семь дней убитых и раненых оказалось более шестидесяти человек. Отобрав пять — шесть [победителей, царь] велел вручить [им] мечи возле дворца, а [сам] призвал Чжуанцзы и объявил:

— Сегодня испытаем, кто из мужей искуснее всех в фехтовании!

— Давно жду этого [дня], — ответил Чжуанцзы.

— Какова длина оружия, которым [Вы], учитель, будете сражаться?

— спросил царь.

— Могу сражаться любым, который вручат [мне, Вашему] слуге, — ответил Чжуанцзы. — Но у [меня. Вашего] слуги, есть три меча. Буду драться [любым], только [по выбору] государя. Прежде чем испробовать, дозволейте [о них] рассказать.

— Готов выслушать [речь] о трех мечах, — согласился царь.

И Чжуанцзы [повел свой] рассказ:

— Первый меч — меч Сына Неба, второй — меч царский, третий — меч Удальца.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил [его] царь.

— У меча Сына Неба лезвие от Ласточкиного Потока до Каменной стены, острие — пик горы Преемства в [царстве] Ци, тупая сторона — от Цзинь до Вэй, чашка [эфеса] — Чжоу и Сун, рукоять — Хань и Вэй, в ножны вмещаются все варвары, все времена года; в перевязи — море Бохай, в портупее — гора Вечности. [С его помощью] обуздывают пять первоэлементов, определяют преступления и достоинства, отделяют жар от холода, удерживают весну и лето, вершат дела осенью и зимой. Рубанешь этим мечем прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никто вверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Вверху — рассекает плывущие облака, внизу перережет земные веси. Только пустишь меч в ход — наведешь порядок среди царей, и вся Поднебесная покорится. Таков меч Сына Неба!

— Каков же царский меч? — как в тумане, растерянно спросил царь Прекрасный.

— Лезвием царского меча служат мужи знающие и отважные; острием — мужи бескорыстные и честные; тупой стороной — мужи достойные и добрые, чашкой [эфеса] — мужи преданные и мудрые; рукоятью — мужи отваги и доблести. Рубанешь этим мечем прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никто вверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Наверху [он] уподобляется круглому Небу, чтобы послушны были [все] три [рода] светил, внизу уподобляется квадратной земле, чтобы послушны были времена года; в центре согласуется с желаниями народа, чтобы был покой во всех четырех сторонах. Только пустишь меч в ход — поразит словно удар грома, и каждый во [всех] четырех границах явится в одежде гостя, чтобы повиноваться указам государя. Таков царский меч!

— Каков же меч удалца? — спросил царь.

— Меч удалца [для всех, у кого] волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди; у кого] сердитый вид, а речь косноязычна; [кто] вступает перед [Вами] в поединки, сверху — перерезает горло, перерубает шею, снизу рассекает печень и легкие. Таков меч удалца, что не отличается от драчливого петуха. Жизнь его может прерваться в любое утро. Для государственных дел [он]

не годится. Ныне у [Вас], великий государь, пост Сына Неба, а пристрастились [Вы] к мечу удальца. [Мне, Вашему] ничтожному слуге, стыдно за [Вас], великий государь!

Царь повел [Чжауанцзы] за собой в зал, стольничий подавал кушанья, [но] все перемены царь трижды отсылал по кругу.

— Доклад о мечях закончен, — заметил Чжуанцзы. — Посидите в тишине, великий государь, успокойте [свое] дыхание.

После этого царь Прекрасный три месяца не покидал дворца, и все фехтовальщики, облачившись в траур, покончили с собой на своих местах.

* * *

Великая Чистота спросила у Бесконечности:

— Знаешь ли ты, [что такое] путь?

— Я не знаю, — ответила Бесконечность. [Великая Чистота] спросила о том же у Недеяния:

— Я знаю, — ответило Недеяние.

— [Если] ты знаешь путь, [то скажи] владеет ли [он] судьбами?

— Владеет.

— Какие же у него судьбы?

— Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные, Вот судьбы пути, которые мне известны. Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

— Кто же из них прав, а кто не прав? Бесконечность ли со своим незнанием, или Недеяние со своим знанием?

— Незнание глубже, а знание мельче, — ответило Безначальное.

— Незнание внутреннее, а знание — внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:

— Тогда незнание — это знание? А знание — незнание? Но кто же познает знание незнания?

— Путь неслышим, — ответило Безначальное, — [если] слышим, [значит], не [путь]. Путь невидим: [если] видим, [значит], не [путь]. Путь не выразить в словах; [если] выражен, [значит], не [путь]. [Кто] познал формирующее формы бесформенное, [понимает, что] путь нельзя назвать.

— Те, кто спрашивают о пути, и отвечают о нем, не знают пути, — продолжило Безначальное. — Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы [о нем] нет ответа. Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним [знанием]. Тот, кто, не обладая внутренним [знанием], ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на [гору] Союз Старших Братьев, не странствовать в великой пустоте.

* * *

Носильщик и Учитель с Тутового Двора были друзьями. Однажды, когда дождь лил целых десять дней, Носильщик [сам себе] сказал:

— Как бы с Учителем с Тутового Двора не случилась беда!

[Он] захватил с собой еду и отправился кормить друга. У самых ворот [дома] Учителя [Носильщику послышался] то ли плач, то ли пение. За ударом [по струнам] циня последовали слова:

"О отец! О мать! О природа! О люди!.."

Слабевший голос спешил допеть строфу.

— Почему пел ты такую песню? — войдя к нему, спросил Носильщик.

— Я искал того, — ответил Учитель, — кто довел меня до такой крайности, но не знаю — кто. Неужели отец и мать желали мне такой бедности? Небо ведь беспристрастно [все] покрывает, а земля беспристрастно [все] поддерживает. Неужели небо и земля были пристрастны ко мне, сделав меня бедным? Я искал, кто это сделал, но не мог [никого] найти. Значит, то, что довело меня до такой крайности, — судьба.

* * *

Учитель из Восточного Предместья спросил Чжуанцзы:

— Где находится так называемый путь?

— Повсюду, — ответил Чжуанцзы.

— Приведите пример, тогда лишь сумею [понять].

— В муравье.

— А еще ниже?

— В куколе.

— А еще ниже?

— В черепице.

— А самое низкое?

— В моче и в кале.

Учитель из Восточного Предместья промолчал.

— [Ваши] вопросы, учитель, конечно, не были достойны сущности, — сказал Чжуанцзы. — [Чтобы] постичь путь, [Вы] спрашиваете, [словно] у надзирателя на рынке, как пинают свинью, <узнавая, насколько жирна>: чем ниже, тем яснее. Только Вам не обязательно приводить [пример] — нет вещи, которая бы [пути] избежала. Таков истинный путь, таковы же и слова о великом. [Есть] три слова: чжоу, бьянь, сянь. Звучат [они] различно, а сущность одна, они обозначают одно <"повсюду">. Попытаемся вместе странствовать по дворцу Нигде, и суждениям о единстве общего не будет конца и предела. Попытаемся вместе с Недеянием [стать] простыми и спокойными, бесстрастными и чистыми, гармоничными и праздными! Отвлеклась бы от всего моя мысль, куда бы ни направилась, не знала бы предела, уходила бы, возвращалась и не знала бы, где остановиться. И я бы уходил и возвращался, не ведая, где она закончится, бродил бы по необъятным пространствам, вступил бы в [область] великого познания и не ведал бы, [как] его исчерпать. Вещество в вещах не отграничено от вещей, но вещи обладают пределом, так называемой границей вещи. Предел же беспредельного — это бесконечность конечного. [Мы] говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец для него не начало и конец; скопление и распад для него не скопление и не распад.

* * *

Чжуанцзы сказал Творящему Благо:

— Конфуций проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что вначале [объявлял] истинным, под конец объявил ложным. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным?!

— Конфуций полон желаний трудиться, [он] преклоняется перед знаниями, — сказал Творящий Благо.

— Конфуций от этого отказался, но о своем отказе еще не говорил,

— сказал Чжуанцзы. — Слова Конфуция гласят: "Ведь [человек] получает от великой основы свои способности, а затем и разум, чтобы родиться, [Когда] поет, должен соблюдать тон, [когда] говорит, должен соблюдать правила. [Если я] пекусь о пользе и справедливости, то любовью и ненавистью, истинным и ложным покоряю лишь людские уста; а чтобы покорить людские сердца, должен решиться им противостоять и [тогда] определить установления Поднебесной. Увы! Увы! ведь мне этого не достичь".

* * *

Страж Границы Цветущего сказал Высочайшему:

— Ах, мудрый человек! Разреши мне, мудрый человек, пожелать [тебе] долгой жизни!

— Отказываюсь! — ответил Высочайший.

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, богатства!

— Отказываюсь!

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, много сыновей!

— Отказываюсь!

— Долголетия, богатства, многих сыновей жаждет каждый. Почему же только ты один не жаждешь? — спросил Страж.

— Много сыновей — много тревог, — ответил Высочайший. От богатства много хлопот, а от старости — поношение. С помощью этих трех [благ] не взрастить добродетели, поэтому и отказываюсь.

— Сначала я принял тебя за мудрого человека, — сказал Страж, — а теперь вижу, [ты] благородный муж. Природа породила тьму людей, им необходимо дать занятие. [Если иметь] много сыновей и каждому дать занятие, откуда возьмутся тревоги? [Если имеешь] богатство, пусть люди его поделят, какие же будут хлопоты? Ведь мудрый человек живет, [точно] перепел, питается, [словно] птенец, передвигается [подобно] птице, не оставляя следов. [Когда] в Поднебесной нет пути, [мудрый] в праздности укрепляет добродетель. [Если] за тысячу лет [ему] жить надоест, [он] улетает к бессмертным, оседлав белое облако. [Туда], в обитель предков, нет доступа трем бедам. [Но если] телу ничто не причинит вреда, откуда же возьмется поношение? — [И] Страж пошел прочь.

— Дозвольте спросить... — начал, следуя за ним, Высочайший.

— Изыди! — ответил [ему] Страж.

* * *

Ян Чжу на юге достиг [местности] Пэй, [и когда] Лаоцзы странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Чжу промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воду для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверями, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно учитель подъял взор к небу, вздохнул и сказал: "Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя", [Мне], ученику, хотелось попросить объяснения, но не осмелился, ибо учитель сказал и продолжал путь без отдыха. Ныне же у учителя есть свободное время. Дозвольте [мне] задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, у тебя хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] "чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!" — ответил Лаоцзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Чжу со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде Ян Чжу в харчевне приветствовали женщины, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за [место] на циновке.

* * *

Цзэнцзы дважды служил, и чувства [его] дважды менялись. [Он] сказал:

— Я служил при жизни родителей, [получал лишь] три фу, а сердце радовалось. Потом получал три тысячи чжунов, но не посылал [родителям], и сердце мое печалилось. Ученики спросили у Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэнцзы, считать невиновным в корысти?

— Была корысть. Разве свободный от корысти предавался бы печали? Такой смотрел бы на три фу или на три тысячи чжуанов, как пташка на пролетающего перед ней комара.

* * *

Конфуций обратился к Лаоцзы:

— Ныне, на досуге, дозволейте задать вопрос: [в чем] истинный путь?

— Строго воздерживайся и освобождай свое сердце, очисти до [белизны] снега свой разум, разбей свое знание. Ведь путь глубок, [его] трудно [выразить] в словах. Поведаю тебе о его очертаниях, — ответил Лаоцзы. — Светлое-светлое рождается из темного-темного; обладающий порядком рождается из бесформенного. Духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени, а [все] вещи друг друга порождают с помощью [телесной] формы. Поэтому обладающие девятью отверстиями рождаются из чрева, обладающие восемью отверстиями — из яйца. Их появление не оставляет следов, их исчезновение не имеет границ: нет ни ворот, ни жилищ, [а лишь] открытое со [всех] четырех сторон величайшее [пространство]. У того, кто это постиг, руки и ноги становятся крепкими, ум — пронизательным, слух — тонким, зрение — острым. [Он] мыслит без усилий, откликается [всем] вещам без ограничений. Небо не может не быть высоким, земля не может не быть широкой, солнце и луна не могут не двигаться, [вся] тьма вещей не может не расцветать — не таков ли [естественный] путь каждого? К тому же, мудрый определил, что многознающий вряд ли [обладает] знанием, а красноречивый вряд ли [обладает] прозорливостью. [Определение] мудрого сохранится: ведь прибавляй к нему — не прибавишь, убавляй от него — не убавишь. Глубочайший, он подобен океану, величайший, он кончится, возвратившись к началу. Держаться вне [всей] тьмы вещей, вмещающая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа. Вместе со [всей] тьмой вещей исчерпывать способности и не истощаться — таков этот путь. В Срединных царствах есть человек, который [не подвержен] ни [силе] жара, ни [силе] холода, обитает между небом и землей. Только временно [он] человек и скоро вернется к своему предку. [Если] наблюдать за ним с самого начала, с рождения, [увидим] вещь студенистую, [обладающую] голосом. Есть ли какое-либо различие между тем, проживет ли долго, умрет ли преждевременно? Ведь речь [идет всего лишь] о мгновенье! Стоит ли рассуждать о том, [кто был] идеальным, а [кто] порочным — Высочайший или Разрывающий на Части?

* * *

Среди учеников Лаоцзы был Гэнсан Чу. Овладев во многом учением Лаоцзы, [он] поселился на Севере на горе Опасное Нагромождение. Прогнал тех рабов, которые блистали знаниями, отослал тех наложниц, которые кичились милосердием; остался с грубыми и некрасивыми, опирался лишь на старательных, хлопотливых. Прожил три года, и на горе Опасное Нагромождение собрали богатый урожай.

[Тут] жители горы стали друг другу говорить:

— Когда учитель Гэнсан только появился, мы испугались и его сторонились. Ныне у нас [запасов] — нечего и говорить — хватит на день, хватит и на год с избытком. Возможно, он мудрец? Почему бы нам не молиться ему, как Покойнику? [Не воздвигнуть] ему алтарь Земли и Проса?

Услышав об этом, Гэнсан Чу обернулся лицом к югу и [долго] не мог успокоиться. Ученики удивились, а Гэнсан Чу сказал:

— Почему [вы], ученики, удивляетесь? Ведь [когда] начинает действовать весенний эфир, растут [все] травы; установится осень, созревает [вся] тьма плодов. Разве весна и осень не должны быть такими? [Это] проявление естественного пути. Я слышал, что настоящий человек живет [подобно] Покойнику за круглой стеной, а народ безумствует, не зная, как к нему обратиться. Ныне малый люд на горе Опасное Нагромождение упрямуствует, желая приносить мне жертвы среди [других] достойных. Разве я [способен] стать для них образцом? Я [помню] слова Лаоцзы и не [могу] успокоиться.

— Нет! — сказали ученики. — В обычной канаве не повернуться огромной рыбе, не то что пескарю. За холмом [вышиной] в несколько шагов не спрятаться крупному зверю, он пригоден лишь для лисицы, оборотня. Ведь почитаемые и достойные поручали [дела] способным, а добрых заранее награждали. [Если] так [поступали] с древних времен Высочайший и Ограждающий, то тем более [так поступает] народ [на горе] Опасное Нагромождение. Послушайте его учитель!

— Подойдите, дети! — сказал Гэнсаи Чу. — Ведь зверь величиной с повозку, в одиночку покинув гору, не избежит сетей и ловушек. Рыбу, глотающую суда, останься она после разлива на мели, замучают даже муравьи. Поэтому птицы и звери неустанно [ищут] большую высоту; рыбы, черепахи неустанно [ищут]

большую] глубину. И человек, чтобы сохранить свою [телесную] форму и жизнь, скрывается и неустанно [ищет большее] уединение. Разве Высочайший и Ограждающий заслуживают восхваления? Это от них [пошли] различия, [чтобы люди] стали опрометчиво ломать стены и сеять бурьян; причесываться, перебирая по волоску; варить рис, пересчитывая зернышки. По моему ничтожному мнению, этого недостаточно, чтобы помочь миру! [Начали] выдвигать добродетельных, и люди стали друг друга притеснять; возвысили знающих, и люди стали друг друга грабить. Тот, кто пересчитывает вещи, недостойн благодетельствовать народу. Народ стал жаждать выгоды, сыновья — поднимать руку на отцов, слуги — убивать своих хозяев, начали грабить среди бела дня, делать подкопы в полдень. Я говорю вам: корень великой смуты был взращен при Высочайшем и Ограждающем, ее вершина просуществует тысячу поколений и через тысячу поколений люди будут пожирать людей.

[Тут] Карлик Прославленный на Юге выпрямился и взволнованно спросил:

— Какое же учение [Вы] вручите вместе с этими словами такому старому, как [я], Карлик?

— Сохраняй в целостности свою [телесную] форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах и через три года сумеешь постичь эти слова, — ответил Гэнсан Чу.

— Глаза подобны по форме, — сказал Карлик, — я не понимаю, в чем между ними различие, а слепой себя не видит. Уши подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а глухой себя не слышит. Сердца подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а безумный себя не обретает. Тело телу также уподобляется, но их, возможно, разделяют вещи. Стремлюсь найти подобие, но не способен [его] обрести. Ныне [вы] сказали [мне], Карлику: "Сохраняй в целостности свою [телесную] форму, заботься о своей жизни не допускай суеты в мыслях и думах". [Я], Карлик, внимал учению напрягаясь, но [оно] достигло [лишь] ушей.

— Слова [мои] иссякли, — сказал Гэнсан Чу. — [Ведь] говорят, что шмелю не изменить куколки, юэской курице не высидеть гусяного яйца — это по силам лишь наседке из Лу. Курица подобна курице, свойства их по всем одинаковые. [Если] одна способна, а другая не способна, это, конечно, [означает], что способности бывают большие и малые. Ныне [оказалось], что мои способности малы — недостаточны, чтобы тебя развить. Почему бы тебе не отправиться на юг, повидаться с Лаоцзы?

Карлик взвалил на спину побольше провизии и за семь дней и семь ночей дошел до жилища Лаоцзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — обратился [к нему] Лаоцзы.

— Да, — ответил Карлик.

— Почему ты привел с собой стольких людей? — спросил Лаоцзы.

Карлик в испуге оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал вопрос Лаоцзы.

Карлик потупился от стыда, [затем] поднял голову и вздохнул:

— Сейчас я забыл, что мне ответить, а поэтому забыл и свой вопрос.

— О чем [ты хотел] говорить? — спросил Лаоцзы.

— [Если у меня] не будет знаний, люди обзовут меня Карликом Простаком; [если] будут знания, [они] принесут беду мне самому. [Буду] милосердным, навлеку беду на себя, а немилосердным, напротив, принесу вред другим; буду справедливым навлеку беду на себя; а несправедливым, напротив, погублю других. [По совету Гэнсан] Чу хотел бы [у Вас] спросить, как мне избежать этих трех бед?

— Сначала я понял твой взгляд, теперь и твои слова это подтвердили. Соблюдая правила приличия, точно сирота без отца и матери, ты берешься за шест, а измерить стремишься морские [глубины]. Как жалок ты, заблудший, в неведении. Стремясь вернуться к своей природе, [не знаешь], откуда начать.

Карлик попросил разрешения остаться в доме, призывал то, что [по учению] любил, отказывался от того, что [но учению] ненавидел, десять дней предавался скорби, а затем снова встретился с Лаоцзы. Лаоцзы сказал:

— Ты омылся, пар [идет, как] от вареного! Однако в тебе еще много ненависти. Ведь когда узы столь многочисленные, что [с ними] не справиться, идут извне, [следует для них] воздвигнуть преграду изнутри. Когда узы столь запутанные, что [с ними] не справиться, идут изнутри, [следует для них] воздвигнуть преграду вовне. Внешних и внутренних уз не выдержать [даже тому, кто владеет] природными свойствами, а тем более [тому, кто лишь] подражает пути.

Карлик сказал:

— [Когда] один человек в селении заболел, земляк спросил его, [что болит], и больной сумел рассказать о своей болезни. Такая болезнь еще не опасна. [Я же], Карлик, выслушал [Ваши слова] о

великом пути, будто принял снадобье, чтобы болезнь усилилась. [Мне], Карлику, хочется послушать хотя бы о главном для сохранения жизни.

— О главном для сохранения жизни? — повторил Лаоцзы. — Способен ли [ты] сохранять единое, [его] не теряя? Способен ли узнавать, [что впереди] — счастье или беда, не гадая ни на [панцире] черепахи, ни на стебле [пупавки]? Способен ли остановиться? Способен ли [со всем] покончить? Способен ли оставить всех люден и искать только самого себя? Способен ли парить? Способен ли стать безыскусственным? Способен ли стать младенцем? [Ведь] младенец целыми днями кричит и не хрипнет — это высшая гармония; целыми днями сжимает кулачки, но ничего не хватает — это общее в его свойствах; целыми днями смотрит, но не мигает — ни к чему внешнему не склоняется. Ходить, не ведая куда; останавливаться, не ведая зачем; сжиматься и разжиматься вместе со [всеми] вещами, [плыть с ними] на одной волне, — таково главное для сохранения жизни.

— Все это и есть свойства настоящего человека? — спросил Карлик.

— Нет, — ответил Лаоцзы. — Это лишь способности к тому, что называется "растопить снег и лед". Настоящий же человек кормится совместно [с другими] от земли, наслаждается природой. [Он] не станет суетиться вместе с другими из-за прибыли или убытка, [которые приносят] люди и вещи; не станет удивляться вместе с другими, не станет вместе с другими замышлять планы; не станет вместе с другими заниматься делами. Уходит, [словно] парит, возвращается безыскусственный. Вот это и есть гласное для сохранения жизни.

— Так это и есть высшее?

— Еще нет. Я тебе, конечно, поведаю. [Я спросил], способен ли [ты] стать младенцем? [Ибо] младенец движется, не зная зачем; идет, не зная куда; телом подобен засохшей ветке, сердцем подобен угасшему пеплу. Вот к такому не придет несчастье, не явится и счастье. Что людские беды тому, для кого не существует ни горя, ни счастья!

* * *

Муж [по прозванию] Филигранщик увиделся с Лаоцзы и спросил:

— Я слышал, что [вы], учитель, мудрый человек, и поэтому пришел [с вами] повидаться. Меня не удержала и дальняя порога. Прошел [мимо] сотни постоянных дворов, ноги покрылись мозолями, но не смел остановиться. Ныне же я увидел, что вы не мудрец: у мышиных нор остатки риса, бросать его как попало — не милосердно. У [вас] полно и сырого и вареного, а [вы] собираете и накапливаете без предела.

Лаоцзы с безразличным видом промолчал.

На другой день Филигранщик снова увиделся с Лаоцзы и сказал:

— Вчера я над вами насмеялся. Почему же сегодня мое сердце искренне [от этого] отказывается?

— Я сам считал, что избавился [от тех, кто] ловко узнает проницательных и мудрых, — ответил Лаоцзы. — [Если бы] вчера вы назвали меня Волон, [и я] назвался бы Волон; назвали бы меня Конем, [и я] назвался бы Конем. Если, встретив какую-то сущность, кто-то дает ей название, [то], не приняв названия, примешь от такого беду. Я покорился не оттого, что был покорен, а покорился, не изменившись.

Филигранщик пошел бочком, избегая [его] тени, вошел прямо в дом, не сняв обуви, и спросил:

— Как же [мне] совершенствоваться?

— Ведешь себя высокомерно, смотришь дерзко, — сказал Лаоцзы. — Лоб [у тебя] высокий и простой, а рычишь, словно тигр, вид неестественный. Стоишь, будто конь на привязи. умчался бы, а насильно себя удерживаешь. Кинешься — так стрелой, разбираешься — так в мелочах, прознал [все] хитрости, а смотришь безмятежно. Никто не найдет [тебя] достойным доверия. На окраинах бывают такие, и имя им — воры.

* * *

Ян Чжу встретился с Лаоцзы и спросил:

— Можно ли сопоставить с мудрым царем человека сообразительного и решительного, проницательного и дальновидного, который без усталости изучает путь?

— При сопоставлении с мудрым, — ответил Лаоцзы, — такой [человек выглядел бы] как суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: "красота тигра и барса

— приманка для охотников"; "обезьяну держат на привязи за ее ловкость, а собаку за умение загнать яка". Разве можно такого сопоставить с мудрым царем?

— Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? — задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

— Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался [на царя]; никто не называл его имени, и каждый радовался по-своему. [Сам же царь] стоял в неизмеримом и странствовал в небытии.

* * *

Дан, главный жрец, [ведающий] закланием жертвенного скота в Шан, спросил Чжуанцзы, что такое милосердие.

— Милосердны тигры и волки, — ответил Чжуанцзы.

— Что это значит?

— Как же не милосердны, если волчица и волчата любят друг друга?

— Разрешите спросить о настоящем милосердии!

— Для настоящего милосердия не существует родственных чувств.

— [Я], Дан, слышал о том, что без родства нет и любви, без любви нет и сыновней почтительности. Ведь не может быть настоящего милосердия без почтительного отношения к родителям!

— [Нет], это не так, — ответил Чжуанцзы. — Настоящее милосердие высоко. О нем, конечно, не стоит и говорить [исходя из] сыновней почтительности. В [твоих же] словах сыновняя почтительность не преувеличена, а преуменьшена. Ведь отчего, подходя к Ин с юга, не замечают на севере [гору] Миншань? Оттого, что [она] далека от Ин. Поэтому и говорится: уважать родителей легче, чем их любить, любить родителей легче, чем их забыть, забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе, заставить родителей забыть о себе легче, чем самому] забыть обо всем в Поднебесной, забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть. Ведь [обладающий] свойствами забывает про Высочайшего и Ограждающего и предается недеянию. Блага [его] распространяются на тьму поколений, а Поднебесная [о нем] и не знает. Как можно только вздыхать да твердить о милосердии, о сыновней почтительности? Ведь всем этим — почтительностью к родителям и старшим братьям, милосердием и справедливостью, преданностью и доверием, целомудрием и честностью — [люди] заставляют себя служить собственной добродетели, большего [все это] не стоит. Поэтому и говорится: "Настоящее благородство отвергает царские почести, настоящее богатство отвергает царскую сокровищницу, настоящие чаяния отвергают имя и славу". От всего этого путь не изменяется.

* * *

Конфуций встретился с Лаоцзы и заговорил о милосердии и справедливости.

— [Если], провеивая мякину, засоришь глаза, — сказал Лаоцзы, — то небо и земля, [все] четыре страны света поменяются местами. [Если] искушают комары и москиты, не заснешь всю ночь. [Но] нет смуты большей, чем печаль о милосердии и справедливости — [она] возмущает мое сердце. Если бы вы старались, чтобы Поднебесная не утратила своей простоты, вы бы двигались, подражая ветру, останавливались, возвращаясь к [природным] свойствам. К чему же столь рьяно, будто в поисках потерянного сына, бьете во [все] неподвижные и переносные барабаны? Ведь лебедь бел не оттого, что каждый день купается; а ворона черна не оттого, что каждый день чернится. Простота белого и черного не стоит того, чтобы о ней спорить; красота имени и славы не стоит того, чтобы ее увеличивать. Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели и [стараются] дать друг другу влагу дыханием, слюной. [Но] лучше [им] забыть друг о друге в [просторах] рек и озер.

Повидавшись с Лаоцзы, Конфуций вернулся [домой] и три дня молчал.

— С чем [вы], учитель, вернулись от Лаоцзы, — спросили ученики.

— Ныне в нем я увидел Дракона. — ответил Конфуций.— Дракон свернулся [в клубок], и образовалось тело, расправился, и образовался узор, взлетал на облаке, на эфире, кормился от [сил] жара и холода. Я разинул рот и не мог [его] закрыть. Как же мне подражать Лаоцзы!

— В таком случае, — спросил Цзыгун, — не обладает ли тот человек неподвижностью Покойника и внешностью Дракона, голосом грома и молчанием пучины, не действует ли подобно небу и земле? Не удостоюсь ли и [я], Сы, [его] увидеть? — и от имени Конфуция [Цзыгун] встретился с Лаоцзы.

Лаоцзы только что уселся на корточки в зале и слабым голосом промолвил:

— Годы мои уже на закате, и [я] ухожу. От чего вы [хотите] меня предостеречь?

— Почему только [вы], Преждерожденный, считаете, что три царя и пять предков не были мудрыми? — спросил Цзыгун. — Ведь

[они] управляли Поднебесной по-разному, слава же им выпала одинаковая.

— Подойди, поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Почему ты считаешь, что [управляли] по-разному?

— Высочайший передал [власть] Ограждающему, Ограждающий — Молодому Дракону, — сказал Цзыгун. — Молодой Дракон применял силу физическую, а Испытующий — военную. Царь Прекрасный покорялся Бесчеловечному и не смел ему противиться. Царь Воинственный пошел против Бесчеловечного и не захотел [ему] покориться. Поэтому и говорю, что по-разному.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Я тебе поведаю, [как] управляли Поднебесной три владыки и пять предков. Желтый Предок, правя Поднебесной, привел сердца людей к единству. [Когда] родители умирали, [дети] их не оплакивали и народ [их] не порицал. При Высочайшем в сердцах людей Поднебесной [появились] родственные чувства. [Если] из-за смерти своих родителей люди придавали меньшее [значение] смерти чужих [родителей], народ их не порицал. При Ограждающем в сердцах людей Поднебесной [зародилось] соперничество. Женщины рожали после десяти лун беременности, дети пяти лун от роду могли говорить; еще не научившись [смеяться], начинали узнавать людей и тогда стали умирать малолетними. При Молодом Драконе сердца людей Поднебесной изменились, У людей появились страсти, а [для применения] оружия — обоснования; убийство разбойника не [стали считать] убийством. Разделили на роды людей и Поднебесную [для каждого из них свою]. Поэтому Поднебесную объял великий ужас. Поднялись конфуцианцы и моисты. От них пошли правила отношений между людьми, а ныне еще и [отношений] с женами. О чем еще говорить! Я поведаю тебе, как три владыки и пять предков наводили порядок в Поднебесной. Называется — навели порядок, а худшего беспорядка еще не бывало. Своими знаниями трое владык наверху нарушили свет солнца и луны, внизу — расстроили сущность гор и рек, в середине — уменьшили блага четырех времен года. Их знания более ядовиты, чем хвост скорпиона, чем зверь сяньгуй. Разве не должны они стыдиться? Ведь не сумев обрести покой в собственной природе, [они] сами еще считали себя мудрецами. Они — бесстыжие!

Цзыгун в замешательстве и смущении остался стоять [на месте].

* * *

Конфуций отправился на запад, чтобы спрятать книги в чжоуском хранилище, а Цзылу [ему] сказал:

— [Я], Ю, слышал, среди летописцев в Чжоу был Лаоцзы. [но он] отказался от должности и вернулся к себе домой. Не отправиться ли [к нему] за помощью, [если вы], учитель, хотите спрятать книги?

— Прекрасно, — сказал Конфуций и отправился к Лаоцзы, но тот отказался [помочь], и [Конфуций] стал [его] убеждать, излагая [все] двенадцать основ.

— Слишком пространно, — прервал его Лаоцзы и сказал, — хочу услышать самое важное.

— Самое важное — это милосердие и справедливость, — ответил Конфуций.

— Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого?

— спросил Лаоцзы.

— Хорошо, — ответил Конфуций. — Без милосердия нельзя стать благородным мужем; без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем. Милосердие и справедливость — таков характер истинного человека. Как же может быть иначе?

— Разрешите спросить, — сказал Лаоцзы, — что [вы] называете милосердием и справедливостью?

— От души радоваться вместе со [всеми] вещами, любить всех без пристрастия. Таковы чувства милосердия и справедливости, — ответил Конфуций.

— О! Почти как в речах последышей. Любовь ко всем разве не нелепость? Беспристрастие — разве это не пристрастие? — сказал Лаоцзы. — [Если вы], учитель, не хотите, чтобы Поднебесная лишилась своих пастырей, вы [должны желать ей] постоянства [такого же], как у неба и земли. Ведь, конечно, будут светить солнце и луна, будет свой порядок у звезд и планет, будут стаи птиц и стада зверей, и деревья будут [расти] вверх. [Если бы вы], учитель, действовали, подражая [их] свойствам, следовали [их] путем, то уже [достигли бы] истинного. К чему же столь рьяно вещать о милосердии и справедливости, точно с барабанным боем отыскивать потерянного сына? Ах, [вы], учитель, вносите смуту в характер человека!

Конфуций спросил Лаоцзы:

— Можно ли назвать мудрым человека, который овладевает путем, будто подражая сильному: [делая] невозможное возможным, неистинное истинным; [или] софиста, который говорит, что отделить твердое и белое [ему] так же [легко], как [различить] светила на небе?

— Это суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь умение собаки загнать яка, ловкость обезьяны исходят из гор и лесов, — ответил Лаоцзы.

— Я скажу тебе, Цю, о том, чего нельзя услышать, о чем нельзя рассказать. У многих есть голова и ноги, но нет ни сердца, ни слуха; но нет таких, кто, имея тело, существовал бы вместе с не имеющим ни тела, ни формы. Причины движения и покоя, смерти и рождения, уничтожения и появления не в самих [людях], [но] некоторые [из причин] управляются людьми. Того же, кто забывает обо [всех] вещах, забывает о природе, уподоблю забывшему самого себя. [Только] забывшего о самом себе и назову слившимся с природой.

* * *

Конфуций увиделся с Лаоцзы. Тот только что вымылся и, распустив волосы, сушил [их], недвижимый, будто не человек, Конфуций подождал удобного момента и вскоре, когда [Лаоцзы] его заметил, сказал:

— Не ослеплен ли [я], Цю? Верить ли [глазам]? Только что [Вы], Пржеджерожденный, [своей телесной] формой походили на сухое дерево, будто оставили [все] вещи, покинули людей и возвысились, [как] единственный.

— Я странствовал сердцем в первоначале вещей, — ответил Лаоцзы.

— Что [это] означает? — спросил Конфуций.

— Сердце утомилось, не могу познавать, уста сомкнулись, не могу говорить. [Но] попытаюсь поведать тебе об этом сейчас. В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю. Обе [силы], взаимно проникая друг друга, соединяются, и [все] вещи рождаются. Нечто создало [этот] порядок, но [никто] не видел [его телесной] формы. Уменьшение и увеличение, наполнение и опустошение, жар и холод, изменения солнца и луны, — каждый день что-то совершается, но результаты этого незаметны. В жизни существует зарождение, в смерти существует возвращение, начала и концы друг другу противоположны, но не имеют начала, и [когда] им придет конец — неведомо. Если это не так, то кто же [всему] этому явился предком [истокom]?

— Разрешите спросить, [что означает] такое странствие? — задал вопрос Конфуций.

— Обрести [такое] странствие — это самое прекрасное, высшее наслаждение. Того, кто обрел самое прекрасное, [кто] странствует в высшем наслаждении, назову настоящим человеком, — ответил Лаоцзы.

— Хотелось бы узнать, как странствовать? — спросил Конфуций.

— Травоядные животные не страдают от перемены пастбища. Существа, родившиеся в реке, не страдают от перемены воды. При малых изменениях не утрачивают своего главного, постоянного. Не допускай в свою грудь ни радости, ни гнева, ни печали, ни веселья. Ведь в Поднебесной [вся] тьма вещей существует в единстве. Обретешь это единство и [станешь со всеми] ровен, тогда руки и ноги и сотню частей тела сочтешь прахом, а к концу и началу, смерти и

жизни отнесешься, как к смене дня и ночи. Ничто не приведет [тебя] в смятение, а меньше всего приобретение либо утрата, беда либо счастье. Отбросишь ранг, будто стряхнешь грязь, сознавая, что жизнь ценнее ранга. Ценность в себе самом, и с изменениями не утрачивается. Притом тьме изменений никогда не настанет конца, и разве что-нибудь окажется достойным скорби? Это понимает тот, кто предался пути!

— Добродетелью [Вы], учитель, равны Небу и Земле, — сказал Конфуций. — Все же позаимствую [Ваши] истинные слова для совершенствования своего сердца. Разве мог этого избежать кто-нибудь из древних благородных мужей?

— Это не так, — ответил Лаоцзы. — Ведь бывает, что вода бьет ключом, но [она] не действует, [эта] способность естественная. [Таковы и] свойства настоящего человека. [Он] не совершенствуется, а вещи не могут [его] покинуть. Зачем совершенствоваться, [если свойства присущи ему] так же, как высота — небу, толщина — земле, свет — солнцу и луне.

Выйдя [от Лаоцзы], Конфуций поведал [обо всем] Янь Юаню и сказал:

— [Я], Цю, в познании пути подобен червяку в жбане с уксусом. Не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности неба и земли.

* * *

Царевич Моу из Срединных гор спросил у Чжаньцзы:

— Как мне быть? Телом скитаюсь по рекам и морям, а сердцем пребываю у дворцовых ворот в Вэй.

— Цени жизнь, — ответил Чжаньцзы. — Кто ценит жизнь, презирает выгоду.

— Знаю это, — ответил царский сын Моу, — да еще не могу с собой совладать.

— Не можешь с собой совладать, — сказал Чжаньцзы, — тогда следуй за <своими страстями>. Разума не повредишь. Помешать следовать <за своими страстями> тому, кто не может с собой совладать, — значит нанести [ему] двойную рану. Человеку же с двойной раной не [войти] в число долголетних.

Моу был сыном вэйского царя, [владевшего] тьмой колесниц. [Ему] было труднее скрыться в пещере на высокой скале, чем мужу в холщовой одежде. Хотя [он] не достиг пути, но, можно сказать, имел о нем представление.

* * *

Зайдя за ограду, Чжуан Чжоу бродил по заброшенному кладбищу, когда с юга прилетела странная птица: крылья — три-четыре локтя размахом, глаза с вершок. [Пролетая, она] задела лоб Чжуана и села в каштановой роще.

— Что за птица! — удивился Чжуан Чжоу. — Крылья большие, а не улетает, глаза огромные, а не видит.

Подобрав полы, [он] поспешил [за ней], держа наготове самострел. [Но тут] заметил, как цикада, наслаждаясь тенью, забыла о самой себе; как кузнечик-богомол, незаметно подобравшись, на нее набросился, и, глядя на [добычу], забыл о самом себе; как затем схватила их обоих странная птица и, глядя на добычу, забыла о своем истинном [самосохранении].

— Ах! воскликнул опечаленный Чжуан Чжоу. — Различные виды навлекают друг на друга [беду], вещи, конечно, друг друга губят.

[Он] бросил самострел, повернулся и пошел прочь, [но тут] за ним погнался Лесник и стал его бранить.

Вернувшись, Чжуан Чжоу три луны не выходил из дома.

— Почему [Вы], учитель, так долго не выходили? — спросил ученик Лань Це.

— Сохраняя [телесную] форму, я забыл о самом себе, — ответил Чжуан Чжоу. — [Так долго] наблюдал за мутной лужей, что заблудился в чистом источнике. А ведь я слышал от [своего] учителя: "Пойдешь к тому пошлomu и последуешь за тем пошлым". Ныне я бродил по заброшенному кладбищу и забыл о самом себе. Странная птица задела мой лоб [и] летала по каштановой роще, забыв об истинном. Лесник же в каштановой роще принял меня за браконьера. Вот почему я и не выходил из дому.

* * *

У Чжуанцзы умерла жена и Творящий Благо [пришел] ее оплакивать. Чжуанцзы же сидел на корточках и пел, ударяя [такт] по глиняному тазу.

Творящий Благо сказал:

— Мало того, что [вы] не оплакиваете умершую, [которая] прожила с [вами, своим] мужем до старости, и вырастила детей. Не слишком ли много [себе позволяете], предаваясь пению, отбивая такт о таз?

— Это не так, — ответил Чжуанцзы. — Могла ли меня не опечалить ее кончина? [Но затем] я задумался о том, что [было] вначале, [когда она] еще не родилась, не только не родилась, но еще не обладала телом, не только телом, но даже и эфиром. Слитая с неразличным, неуловимым, [стала] развиваться и обрела эфир, эфир развился и обрела тело, тело развилось и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие — смерть. Все это сменяло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покоится в огромном доме, значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

* * *

Подходя к Чу, Чжуанцзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший свою форму. [Чжуанцзы] ударил по черепу хлыстом и [обратился] к нему с вопросами:

— Довела ли [тебя] до этого, учитель, безрассудная жажда жизни, или секира на плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого дурные поступки, опозорившие отца и мать, жену и детей, или муки голода и холода? Довела ли тебя до этого смерть, [после многих] лет жизни? — сказав это, Чжуанцзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп явился [ему] во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя [мучений] живого человека. После смерти их нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Да, — ответил Чжуанцзы.

— Для мертвого, — сказал череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуанцзы спросил:

— А хочешь я велю Ведающими судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взгляделся в него, сурово нахмурился и ответил:

— Кто пожелает сменить царственное счастье на человеческие муки!

* * *

Перед тем как ослепнуть, глаза разглядят даже кончик волоса.

Перед тем как оглохнуть, уши расслышат даже полет москита.

Перед тем как притупится ощущение [вкуса], язык отличит [воду из реки] Цзы от [воды из реки] Минь.

Перед тем как утратить обоняние, нос отличит запах обожженного дерева [от запаха] гниющего.

Перед тем как телу окостенеть, [человек] бежит быстро.

Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду от лжи.

Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность,

* * *

Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова. Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

* * *

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао, Чжуанцзы сказал:

— Пескари привольно резвятся, в этом их радость!

— Ты же не рыба, — возразил Творящий Благо. — Откуда [тебе] знать в чем ее радость?

— Ты же не я,— возразил Чжуанцзы. — Откуда [тебе] знать, что я знаю, а чего не знаю?

— Я не ты, — продолжал спорить Творящий Благо, — и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба, и не можешь знать, в чем ее радость.

— Дозволь вернуться к началу, — сказал Чжуанцзы. — "Откуда [тебе] знать, в чем ее радость?" — спросил ты, я ответил и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над [рекой] Хао.

* * *

[Когда] Чжуанцзы провожал покойника, [процессия] прошла мимо могилы Творящего Благо. Оглянувшись, Чжуанцзы сказал сопровождающим:

— [Как-то] инец вымазал себе глиной кончик носа — [пятно было] с крылышко мухи — и велел плотнику Кремню его обтесать. Топор плотника летал, словно ветер — лишь выслушал [приказ], и стесал. Снял все пятнышко, не повредив носа, а инец даже не изменился в лице.

Услышав об этом, сунский царь Юань призвал плотника Кремня и сказал: "Попробуй стесать у [меня], единственного". Плотник же ответил: "Когда-то [я, Ваш] слуга, мог это сделать, но [человека] того материала уже давно нет". У меня также нет материала, с тех пор как умер учитель [Творящий Благо.] Мне не с кем спорить, — [заклучил Чжуанцзы].

